

ХРОНИКИ РАВНОВЕСИЯ

ПАДЕНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ

ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГДЕ СВЕТ СОЗДАЁТ. ТЬМА УНИЧТОЖАЕТ.
А РАВНОВЕСИЕ СУДИТ.

18+

Хроники Равновесия

Александр Ершов

**Хроники Равновесия -
Падение и Восхождение. Том 1**

«Автор»

2026

Ершов А.

Хроники Равновесия - Падение и Восхождение. Том 1 /
А. Ершов — «Автор», 2026 — (Хроники Равновесия)

Мир больше не принадлежит людям. Система пришла не для помощи — она пришла отбирать, ломать и подчинять. Каждый получил метку. Каждый стал частью чужой игры. Но есть ошибка. Он не должен был существовать. Алекс — обычный человек, оказавшийся в момент, когда Земля перестала быть домом и стала полем отбора. Пока одни принимают правила, а другие пытаются выжить, он начинает понимать: Система — не инструмент. Это клетка. И кто-то стоит за её пределами. Созидание. Разрушение. Равновесие. Силы, для которых миры — расходный материал, а жизни — просто этап эволюции. Чтобы выжить, недостаточно стать сильнее. Нужно понять правила или сломать их. Но есть цена. Каждый выбор приближает его не к спасению — а к тому, чем он никогда не должен был стать.

Содержание

Глава	5
«Свет и Тьма — Рождение Сил»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Ершов
Хроники Равновесия -
Падение и Восхождение. Том 1

Глава

Хроники Равновесия - Падения и Восхождение

«Свет и Тьма — Рождение Сил»

В начале времени и пространства принято считать, что не было ничего.

Это не так.

Был Хаос — не беспорядок, а первичная энергия, лишённая формы и смысла.

Но даже Хаос не терпит пустоты.

И потому он создал первую сущность.

Её звали Созидание.

Она явилась в облике юной девушки: золотые волосы спадали до колен, изумрудные глаза излучали мягкое, почти обманчивое тепло. За её спиной расправлялись три пары сияющих крыльев, движущихся в ритме ещё не рождённого ветра.

Её сущность была проста и абсолютна — творить.

Любая форма, любое существо, любая материя подчинялись её воле.

Пространство, свет и пламя стали её инструментами — три силы, из которых она выстраивала миры.

Она озаряла пустоту, словно первое солнце.

Но всякий, кто касался её творений, неизбежно пробуждал её гнев.

Так возникла вселенная: звёзды, планеты, жизнь и смерть.

Но без равновесия даже совершенство искажалось.

Миры склонялись в одну сторону, словно чаша весов без противовеса. Утопии рождались и неизбежно превращались в распад.

Тогда возникла необходимость в иной силе.

Так появилось Разрушение.

Он принял облик мужчины с резкими чертами и волосами цвета угля. Его глаза — чёрные, с алым вертикальным зрачком — внушали первобытный страх. За спиной раскинулись три пары крыльев, поглощающих свет.

Его природа была противоположна Созиданию.

Он не творил.

Он завершал.

Всё, в чём была энергия, могло быть уничтожено его волей.

Время, тьма и лёд стали его инструментами — силами, способными обратить любое творение в ничто.

Разрушение не знало гнева.

Только холодную неизбежность.

Оно уничтожало звёзды, стирало цивилизации и гасило жизнь там, где баланс был нарушен. Но и его сила, лишённая границ, грозила обратить всё сущее в пустоту.

Хаос наблюдал.

Он не вмешивался. Не судил. Не выбирал сторону.

Но даже он понимал: конфликт между этими двумя силами неизбежен.

И потому была создана третья сущность.

Равновесие.

Оно стало слиянием Созидания и Разрушения — их противоречием и их единством.

Но их силы не могли сосуществовать без разрушения.

И тогда Хаос сделал исключение.

Он даровал Равновесию Тень.

Силу, способную соединять противоположности.

Тень позволяла ему оживлять самую тьму, придавая ей форму и волю. Она могла поглощать тела и души, превращая их в энергию. Через неё Равновесие проникало в сны, меняло их, направляло и использовало.

Это была не просто сила.

Это был инструмент контроля.

Равновесие приняло облик, в котором отражалась сама суть мира.

Его черты не принадлежали ни мужчине, ни женщине — они существовали между. Серебряные волосы струились до самых ног, переливаясь золотом и тьмой, словно звёздное небо в движении.

Глаза притягивали и пугали одновременно: чёрная склера, алые радужки и золотые вертикальные зрачки, в которых отражалась бездна.

За его спиной раскрывались три пары крыльев.

Чёрные — воплощение Разрушения.

Золотые — свет Созидания.

И туманные, сотканые из живых теней — их соединение.

Его облик не поддавался осмыслению.

Он казался чем-то, что существует за пределами восприятия.

С его появлением миры впервые обрели равновесие.

Но порядок оказался хрупким.

Потому что Созидание и Разрушение не оставили своих попыток подчинить того, кто был создан, чтобы их сдерживать.

«Тень Равновесия — Суд сквозь эпохи»

Карисса не была первой.

Задолго до неё существовали иные миры.

Они рождались в свете Созидания — чистые, яркие, полные надежды.

Они росли, стремились к совершенству, возносили города к небесам и верили, что их путь — единственно верный.

И каждый из них падал.

Где-то идеальные общества разрушались под тяжестью собственной безупречности.

Где-то цивилизации отказывались от чувств, чтобы избежать боли — и исчезали, так и не осознав, что уже мертвы.

Где-то вера превращалась в фанатизм, сжигая континенты во имя света.

А где-то последователи Разрушения ускоряли конец, называя его освобождением.

Миры сменяли друг друга.
Лица исчезали.

Имена забывались.

Формы жизни менялись.
Но суть оставалась прежней.
Равновесие наблюдало.
Сначала — как судья.

Потом — как свидетель.

Со временем — как узник собственной роли.
Оно не вмешивалось.
Так было задумано.
Баланс должен был сохраняться, а не навязываться.
Но с каждым новым миром что-то менялось.
Не в них.
В нём.
Каждая смерть не исчезала.

Каждый крик не растворялся в пустоте.

Каждая сломанная судьба оставалась.
Тысячелетия складывались в бесконечность.

Миры превращались в пепел.
И даже Хаос молчал.
Когда появилась Карисса — она не отличалась от остальных.
Сначала пришёл свет.
Созидание коснулось мира, и города поднялись к небесам, сверкая золотом. Люди строили, верили, стремились. Их жизнь казалась восхождением без конца.
Но равновесия не было.
И потому пришло Разрушение.
Сначала — тихо. Болезни. Неурожаи. Странные холода.

Потом — войны.

Потом — смерть.
Миллионы гибли.

На руинах храмов поднимались новые — тёмные, молчаливые, возведённые не ради надежды, а из страха.

Прошли века.
Мир восстанавливался.
И снова повторялся тот же цикл.
Города поднимались — и падали.

Вера рождалась — и превращалась в фанатизм.

Люди молились — а затем убивали во имя тех же богов.
Равновесие наблюдало.
Скользя тенью над эпохами, оно видело всё.
Девочка, прижимающая брата под рушащейся крышей.

Старик, сидящий среди пепла и молящийся за мёртвых.

Солдаты, умирающие в войнах, причины которых давно забыты.
Лица менялись.
Судьбы — нет.
Каждый крик, каждая смерть, каждая надежда становились частью одного узора.
Бессмысленного.
— Зачем я был создан?
Мысль возникла не сразу.
Она росла.
Крепла.
И со временем стала тяжестью.
Миры рождались и умирали.

Карисса поднималась... и снова падала.
И тогда Равновесие поняло:
Баланс не спасает.
Он лишь продлевает страдание.
В тот момент оно сделало шаг.
Тени его крыльев растеклись по земле, как живая ночь.
И впервые за бесчисленные эпохи — оно вмещалось.
Слуги Созидания и Разрушения исчезли мгновенно.

Их оружие рассыпалось.

Их тела растворились в энергии.

Их влияние остановилось.
Мир замер.
Небо разорвалось.
И тогда они появились.
Созидание и Разрушение.
Два квазара — золотой, ослепительно сияющий, и чёрный, поглощающий сам свет — вспыхнули в небесах, заполняя мир своей волей.
Они атаковали одновременно.
Созидание поднялась над руинами, подобная рассвету, который больше не приносит надежды.

Её золотые крылья мерцали холодным светом, осуждающим всё, что не соответствовало её замыслу.
Каждое её движение рождало жизнь.
И тут же обрекало её на смерть.
Ангелы сходили с небес, пронзая копьями света всех, кто оказывался на пути.

Им было всё равно — враг перед ними или тот, кто просто не успел пасть на колени.
Разрушение пришло иначе.
Оно не вспыхнуло.
Оно возникло.
Из тьмы, из холода, из самого конца.
Его крылья поглощали свет, а взгляд был лишён ярости — только неизбежность.

Ледяные вихри разрывали землю, вырывая сердца у деревьев и людей. Реки превращались в потоки смерти.
Для него каждая гибель была не трагедией.
А порядком.
Равновесие шагнуло вперёд.
Медленно.
Будто не мир двигался к битве, а сама битва к нему.
Три пары крыльев раскрылись.
Свет.

Тьма.

И Тень между ними.
Оно видело всё.
Не только этот мир.
Все миры.
Детей, потерявших родителей.

Стариков среди руин.

Солдат, умирающих в войнах без смысла.
Тысячи раз.
Одни и те же судьбы.
В разных формах.
— Достаточно.
Схватка началась.
Но это не была война.
Это был танец, повторявшийся бесчисленное количество раз.
Созидание возводила города из пепла —

и превращала их в оружие.
Разрушение уничтожал их —

но лишь готовил место для новых страданий.
Планета содрогалась.

Океаны кипели и замерзали одновременно.

Небо горело.
И ничего не менялось.
Тогда Равновесие подняло руку.
Тень откликнулась.

Квазары дрогнули.
Потоки света и тьмы были вырваны из их носителей и стянуты в центр вихря.

Но теперь они не сталкивались.
Они подчинялись.
Свет и тьма перестали быть конфликтом.
Они стали инструментом.
Души вспыхивали, как звёзды.
Одни уходили дальше.

Другие — возвращались.

Третьи — исчезали.
Созидание стиснула зубы.
— Ты перечишь мне! Я создаю жизнь! Я даю надежду! Почему ты осмеливаешься против меня?!

Разрушение ответило холодно:
— Надежда? Ты слепа. Мир страдает, пока вы играете в бога. Я приношу порядок.
— Порядок? — тихо произнесло Равновесие.
Мир замолчал.
— Вы оба устали.
Они замерли.
Впервые.
— Ваши игры давно стали пыткой. Люди не ваши пешки. Их страдания — не ваши уроки.
Пауза.
— Я закончу это.
Созидание вспыхнула ярче звёзд.

Но в её взгляде мелькнула усталость.
Разрушение рванулось вперёд.

Но его сила дрогнула.
— Мы... были созданы для этого... — прошептала она.
— Мы... не можем иначе... — эхом ответил он.
Равновесие сделало последний шаг.
Тень сомкнулась.
Созидание было отброшено за пределы мира — её квазар сжат и запечатан.

Разрушение утонуло в бездне — его сила поглощена.
И всё закончилось.

И впервые за всё время...
Наступила тишина.
Равновесие поднялось выше.
Оно коснулось мира.
Пепел становился почвой.

Реки очищались.

Леса возвращались к жизни.
Оно восстановило солнце.

Вернуло луны.

Дало миру ещё один шанс.
Но теперь — без них.
Оно смотрело на людей.
Других.
Но всё тех же.
Девочка с братом.

Старик среди руин.

Солдаты без смысла.
И тогда баланс перестал быть абстракцией.
Он стал судом.
Не над богами.
Над всеми.
И даже над собой.

Глава 3: Малый мир Равновесия

На одинокой планете, созданной по моему замыслу, я сидел на троне.
Но мир подо мной не был одинок.
Он жил.
Не как механизм.

Как организм.

Материки медленно смещались, словно искали равновесие даже в своей форме. Леса шептались не только ветру, но и друг другу. Океаны дышали глубже, чем должны были, иногда выбрасывая на поверхность существ, которых никто не создавал — они рождались сами, из остаточных колебаний Тени.

Девять лун висели в небе.
Иногда одна из них гасла на мгновение.
Иногда две менялись местами.
Мир учился.
Даже без моего приказа.
И это... тревожило.
Мой замок не был просто строением.
Он рос.

Антрацитовые стены иногда меняли форму, коридоры удлинялись, если в них проходило слишком много мыслей. Руны на стенах не просто защищали — они спорили между собой, перераспределяя потоки энергии.

Этот мир не подчинялся мне полностью.

Он **отражал меня**.

И это было хуже.
Девять стражей.
Три света.

Три тьмы.

Три тени.

И каждый — проблема.

Аэлира была первой, кто заметил.

— Восточный лес снова изменился.

Она стояла у края балкона, и свет вокруг неё дрожал, будто не был уверен, слушаться её или нет.

— Там появились существа, которых я не создавала.

— И не я, — тихо добавил Шадрес.

Это было уже плохо.

— Это остатки других миров, — сказал я.

— Ты пропускаешь их сюда, — холодно заметил Ноктис.

— Я не пропускаю. Я... не успеваю всё удержать.

Тишина стала тяжелее.

— Значит, ты слабеешь, — прямо сказал Варнок.

Аэлира резко повернулась к нему:

— Он держит всё это один.

— Именно, — спокойно ответил Варнок. — И именно поэтому это проблема.

Вот они.

Свет защищает.

Тьма говорит правду.

Тень наблюдает... и запоминает.

Души внизу не знали об этом.

Они строили.

Они учились.

Они ошибались.

И иногда — платили за это слишком дорого.

Однажды Селина привела ко мне душу.

Мальчик.

Слишком тихий.

— Он уничтожил целое поселение, — сказала она.

— Случайно.

— Случайно, — повторил Варнок, появляясь из тени. — И сколько ещё “случайно” ты собираешься прощать?

Мальчик не плакал.

Он просто... не понимал.

Я видел это.

И это было хуже любой вины.

— Он останется, — сказал я.

— Под наблюдением.

— Это слабость, — бросил Ноктис.

— Это шанс, — тихо ответил Эрвин.

Эрвин всегда был проблемой.

Он слишком хорошо понимал, что такое жизнь.

— Если ты будешь карать каждого, кто ошибается, у тебя не останется никого, — сказал он мне однажды.

— Если не карать, не останется мира, — ответил Варнок.

И оба были правы.
Ненавижу, когда так.
Другие миры продолжали существовать.
Я видел их.
Через Тень.
Через боль.
Через крики, которые уже не должен был слышать.
— Мир Сиор снова на грани, — сообщил Люмиэль.
— Там культ Созидания начал сжигать города.
— И? — спросил Варнок.
— И ты хочешь снова дать им шанс? — добавил он.
Я молчал.
— Я отправлюсь туда, — сказала Селина.
— Я остановлю их.
— Остановишь? — усмехнулся Шадрес. — Или выберешь, кого оставить?
Она не ответила.
Позже я видел, как она вернулась.
Слишком тихая.
Слишком чистая.
— Мир стабилизирован, — сказала она.
Я не стал спрашивать, сколько там осталось живых.
Ноктис действовал иначе.
Он не спасал.
Он исправлял.
Однажды он вернул группу душ, потерянных в разломе.
Троих.
Из двенадцати.
— Остальные были нестабильны, — сказал он.
— Они бы разрушили структуру.
Он не сожалел.
И в этом была его сила.
Шадрес однажды сломался.
Он создал сон для души, которая боялась тьмы.
Но во сне она выбрала остаться.
Навсегда.
— Я дал ей выбор, — сказал он.
— Она выбрала исчезнуть.
И впервые тень... дрогнула.
Варнок не притворялся.
Он карал.
Жёстко.
Иногда — слишком.
— Мир должен бояться, — говорил он. — Иначе он забудет, что такое границы.
— А если он перестанет жить? — тихо спросила Аэлира.
— Тогда он не заслуживал существования.
И всё это...
Я держал.
Каждое решение.
Каждую ошибку.

Каждую жизнь.
Иногда мы собирались в библиотеке.
И тогда...
на мгновение...
всё становилось почти нормальным.
— Ты меняешься, — сказала Аэлира.
— Уже изменился, — ответил я.
— Ты стал холоднее.
— Я стал точнее.
— Это не одно и то же.
Шадрес тихо добавил:
— Ты начинаешь думать, как они.
Я понял, о ком он.
И мне это не понравилось.
Внизу мир продолжал жить.
Души смеялись.
Создавали.
Любили.
Ошибались.
Снова и снова.
И среди них...
Я увидел её.
Душу, которая держала свет и тьму одновременно.
Без усилия.
Без страха.
Просто... как часть себя.
— Это невозможно, — прошептал Люмиэль.
— Уже нет, — ответил я.
И впервые за долгое время...
Я почувствовал не усталость.
А надежду.
Но она была слабой.
Хрупкой.
И, скорее всего...
временной.
Я сидел на троне.
И держал всё это.
Даже понимая, что рано или поздно...
этого будет недостаточно.
Утро в этом мире начиналось без солнца.
Свет приходил от лун — мягкий, рассеянный, словно сам не был уверен, имеет ли право освещать этот мир.
Души просыпались.
Кто-то в городах из света и стекла.

Кто-то — в теневых рощах, где деревья шептали чужие воспоминания.

Кто-то — на берегах океанов, где волны иногда повторяли голоса тех, кто исчез.
Они жили.

И пытались понять, что это значит.
— Ты опять изменил течение реки.
Я не обернулся.
— Она застаивалась.
Варнок стоял рядом, глядя вниз.
— Она должна была застаиваться. Это часть цикла.
— Это приводило к гибели трёх поселений.
— Это приводило к обучению.
Я посмотрел на него.
— Ты называешь это обучением.
— А ты называешь это жалостью.
Мы оба замолчали.
Потому что спор был старше этого мира.
Внизу, у воды, души уже заметили изменения.
Они радовались.
Они не знали, что этот “подарок” стал причиной конфликта.
Селина создала новый путь обучения.
Лабиринт.
Не из света.
Из воспоминаний.
— Они должны пройти через себя, — объяснила она.
— Или сломаться, — тихо добавил Шадрес.
— Это одно и то же, — ответила она.
Первая душа вышла через несколько часов.
Вторая — не вышла.
— Ты перегибаешь, — сказал Эрвин.
— Я готовлю их, — спокойно ответила Селина.
— К чему? К жизни или к выживанию?
Она не ответила.
И это был ответ.
Ноктис привёл группу душ из внешнего разлома.
Пятеро.
— Их было девять, — заметил Люмиэль.
— Четверо не прошли, — сказал Ноктис.
— Ты даже не попытался?
— Я попытался сохранить структуру.
Люмиэль отвёл взгляд.
Иногда защита означала признать потерю.
В тот день впервые возникло нечто странное.
Одна из душ...
не подчинялась.
Она не разрушала.
Не создавала.
Не слушала.
Просто... существовала вне правил.
— Это невозможно, — сказал Люмиэль.
— Это происходит, — ответил Шадрес.
— Она не реагирует на свет.
— И не боится тьмы.

Я смотрел на неё.
И чувствовал что-то знакомое.
Слишком знакомое.
— Оставь её, — тихо сказал Эрвин.
— Она сама найдёт путь.
— Или разрушит его, — добавил Варнок.
Я не вмешался.
И это было решением.
Позже...
эта же душа остановила конфликт.
Две группы.
Одна — последователи света.

Другая — тени, отвергшие его.
Они уже начали бой.
Слишком рано.

Слишком глупо.
И она просто встала между ними.
Без силы.
Без слов.
И никто не ударил.
— Почему? — спросил Люмиэль.
— Потому что она не выбрала сторону, — сказал Шадрес.
— Потому что она не дала им врага, — добавил Эрвин.
Варнок молчал дольше всех.
— Это временно.
Он был прав. Вечером мы собрались в библиотеке.
Как обычно.
Но тишина была другой.
— Ты это видел, — сказал Ноктис.
— Да.
— Это отклонение.
— Это развитие, — возразила Аэлира.
— Это риск, — сказал Варнок.
— Это шанс, — тихо добавил Эрвин.

Я слушал.
И впервые...
не знал, кто прав.
— Если такие души появятся чаще, — продолжил Ноктис, — структура начнёт рушиться.
— Или изменится, — сказала Селина.
— Ты готов рискнуть всем ради “изменения”? — спросил он.
Я ответил не сразу.
Потому что ответ был опасен.
— Я уже рисковал всем, — сказал я.
— И теперь живу с последствиями.
Тишина.
Глубже, чем раньше.
Шадрес тихо произнёс:

— Тогда вопрос не в том, рискнёшь ли ты снова.

— А в том... выдержишь ли.

Никто не ответил. Внизу мир продолжал жить.

Души строили.

Ошибались.

Учились.

Иногда — смеялись.

И на мгновение...

это казалось достаточным.

Но я уже видел дальше.

Там, за пределами.

Другие миры.

Где всё начиналось заново.

Где всё шло к тому же концу.

И впервые...

я не был уверен,

что этот мир станет исключением.

«Падение Малого мира»

Созидание и Разрушение не забывают.

Они могут молчать веками.

Могут не действовать.

Могут наблюдать.

Но забыть — нет.

— Он смеет диктовать мне, как творить? — голос Созидания звучал тихо, почти спокойно. — Сколько ещё я должна терпеть его тень над моими мирами?

— Недолго, — хрипло усмехнулось Разрушение. — Любое равновесие — временно. Вселенная всегда возвращается к хаосу.

— Первый ритуал был недостаточен.

— Он даже не почувствовал его.

— И это хорошо.

Пауза.

— Значит, второй удар будет последним.

Созидание на мгновение замолчала.

— Малый мир... — произнесла она тише. — Это его центр. Его опора.

— Его слабость, — закончил Разрушение.

И этого было достаточно.

Ритуал не начался.

Он... включился.

Как закон, который просто вступил в силу.

Сначала мир дрогнул.

Слишком слабо, чтобы души заметили.

Но я почувствовал.

Замок треснул первым.

Тонкая линия прошла по шпильям, словно сама реальность больше не хотела держать форму. Камень не падал — он **рассыпался**, как будто никогда не существовал.

Коридоры исчезали.

Руны гасли.
Голоса в них обрывались.
— Нет.
Слово прозвучало слишком тихо.
Я поднялся.
— Я не допущу этого.
Материк раскололся.
Океаны вскипели.
Леса вспыхнули изнутри.
Воздух разорвался.
И тогда боль пришла.
Не как чувство.
Как факт.
— Смотри, — прошептала Созидание.
— Он чувствует, — ответило Разрушение.
Я попытался удержать мир.
Собрать его.
Склеить.
Остановить.
Ничего.
Каждое действие...
отбрасывалось.
Как будто меня там больше не было.
— Чёрт... — голос сорвался. — Я... не могу...
И впервые:
— Я бессилен.
Стражи не ждали приказа.
Они уже двигались.
Аэлира рванулась к душам.
Свет в её руках дрожал, срывался, но она держала их.
Пока могла.
Пока они не начали вырываться...
и сгорать.
Ноктис поднял щиты.
Гигантские.
Абсолютные.
Они держались.
Секунды.
Потом треснули.
И вместе с ними — он.
Варнок нырнул в океан.
В самую бурю.
Пытался удержать поток.
Но вода уже не была водой.
Она стала распадом.
Эрвин...
смеялся.
Создавал иллюзии.
Детей. Света. Простых вещей.

— Смотри... всё нормально... — шептал он.
Даже когда его голос дрожал.
Даже когда никто уже не верил.
Селина, Люмиэль, Шадрес держали остатки.
Создавали укрытия.
Фрагменты порядка.
Куски надежды.
И это было...
недостаточно.
— Они стараются, — заметило Разрушение.
— Они всё ещё держатся, — тихо сказала Созидание.
Стражи начали понимать.
Раньше меня.
Это не остановить.
Я видел, как они смотрят на мир.
На замок.
На души.
На друг друга.
И принимают решение.
Аэлира исчезла первой.
Растворилась в свете.
Оставив его в душах.
Ноктис — в тьме.
Сжав её до предела.
Варнок — в океане.
Став его частью.
Эрвин...
просто исчез.
Оставив после себя смех.
Тихий.
Невозможный.
Селина.
Люмиэль.
Шадрес.
Они не исчезли.
Они...
разошлись.
Став частью структуры.
Последней.
— Нет... — прошептал я.
Но уже без силы.
Мир умирал.
Души сгорали.
Как звёзды.
Быстро.
Без смысла.
И я чувствовал каждую.
— Я не могу спасти всех...
Мысль была хуже любой боли.

— Почему...
Ответа не было.
Потому что его не существовало.
Тело треснуло.
Сознание — нет.
Я падал.
Не в пространство.
В пустоту между законами.
Мир исчез.
Но не полностью.
Остались осколки.
Память.
Следы.
Нити.
Их жертва.
— Я верну... — мысль была слабой.
— Когда-нибудь.
Темнота приняла меня.
Я очнулся...
далеко.
Слишком далеко.
Планета.
Пустая.
Мёртвая.
Я упал.
И уснул.
Моя сила не исчезла.
Она утекала.
Медленно.
Капля за каплей.
Жизнь появилась.
Не по плану.
Не по замыслу.
Сначала — простейшая.
Потом — сложнее.
Потом...
слишком сложная.
Я спал.
Слишком долго.
Тело исчезло.
Растворилось.
Осталось только сознание.
И цикл.
Перерождение.
И где-то...
очень глубоко...
память.
Моя энергия не исчезла.
Она растеклась.

Медленно, почти незаметно, впитываясь в поверхность молодой звезды и холодеющую кору планеты, которая ещё не знала своего имени.

Жизнь не возникла сразу.

Сначала появились следы.

Тонкие, едва различимые вспышки в первичных океанах. Простые формы, лишённые воли, но уже подчинённые закону. Они делились, умирали, повторяли себя снова. В этом не было ни смысла, ни цели, но уже тогда проявлялось главное — устойчивость.

Я чувствовал их.

Слабо.

Как отголосок самого себя.

Прошли миллионы лет.

Жизнь усложнялась.

Растения поднялись над водой, закрепились на суше, научились удерживать свет. Их хрупкость была обманчива. Они стали основой. Тихой, незаметной, но необходимой.

Затем пришло движение.

Существа, способные бороться, скрываться, выживать.

Каждый шаг эволюции был не случайностью. Он был выбором, сделанным без осознания.

И в каждом выборе чувствовалась двойственность.

Рост и распад.

Сохранение и утрата.

Жизнь и неизбежная смерть.

Это не было чистым равновесием.

Это было искажённое равновесие.

Метки не исчезли.

Даже спустя миллионы лет.

Созидание оставило порядок.

Не как дар, а как навязанный принцип. Жизнь тянулась к развитию, усложнялась быстрее, чем должна была, искала формы, способные закрепиться.

Разрушение добавило предел.

Не как наказание, а как закон. Болезни, катастрофы, вымирания. Любая система, достигнув пика, начинала рушиться.

Я оказался между ними.

Ограниченный.

Но не уничтоженный.

Моя энергия больше не была силой.

Она стала влиянием.

Тонким.

Почти незаметным.

Я не создавал жизнь.

Я корректировал.

Когда вид был слишком слаб, я давал ему шанс.

Когда цепочка становилась опасной для всего мира, я обрывал её.

Иногда это выглядело как спасение.

Иногда как катастрофа.

Эта планета стала фильтром.

Не идеальным.

Но достаточным.

Каждое вымирание отсеивало слабых.
Каждая новая форма жизни проверялась на устойчивость.
Ошибки не исправлялись сразу.
Они доводились до предела.
И только потом исчезали.
С течением времени жизнь стала... сложнее.
Слишком сложной, чтобы быть просто биологией.
Появились люди.
Слабые.
Кратковременные.
Но опасные.
Они не просто выживали.
Они задавали вопросы.
Они сомневались.
Они нарушали закономерности.
И именно поэтому... подходили.
Я наблюдал за ними.
Через Тень.
Через сны.
Через страх.
Иногда я направлял.
Слабо.
Почти незаметно.
Мысль, пришедшая вовремя.

Интуиция, спасшая от гибели.

Ошибка, которая вела к открытию.
Они считали это удачей.
Или судьбой.
Когда угроза становилась слишком велика, я вмешивался сильнее.
Эпидемии меняли ход истории.

Войны перераспределяли силу.

Катастрофы обнуляли накопленное.
Это не было жестокостью.
Это было сохранением потенциала.
Каждое великое событие было проверкой.
Не для человечества.
Для одного.
Я искал.
Неосознанно.
Но неизбежно.
Того, кто выдержит.
Моя Тень касалась их снов.
Скользила по мыслям.
Оставляла следы, которые они не могли объяснить.
Страх перед темнотой.

Тяга к свету.

Желание понять то, что выходит за пределы их мира.

Они росли.

Ошибались.

Уничтожали друг друга.

Создавали заново.

И в этом цикле...

я начинал понимать.

Метки не были только ограничением.

Они удерживали меня.

Не давали исчезнуть.

Не позволяли силе рассеяться окончательно.

Это был не просто контроль.

Это был якорь.

Парадокс.

Те, кто пытался меня сломать...

сохранили меня.

И пока этот мир продолжал жить,

пока люди искали, ошибались и выживали,

пока в них существовал этот внутренний конфликт,

я оставался.

Ослабленный.

Рассеянный.

Почти забытый.

Но не исчезнувший.

И когда придёт время,

когда найдётся тот, кто сможет удержать всё это,

я проснусь.

Не как сила.

Как необходимость.

С каждым веком люди тянулись к запретному. Их тянуло не просто к знаниям, а к границам, за которыми эти знания переставали быть безопасными. Они не понимали, что ищут, но упорно шли вперёд, словно чувствовали: за пределами их мира есть нечто большее. Их жажда делала их великими. И тем же самым делала опасными.

На Земле не было иных рас. Ни древних народов, ни скрытых цивилизаций, ни магических созданий. Только люди. Слабые по отдельности, но способные менять мир через упорство, труд и упрямое стремление к развитию. Их сила была не в даре, а в постоянной борьбе.

Метки Созидания и Разрушения продолжали действовать через них. Созидание толкало их вперёд: строить, изучать, открывать. Разрушение не отставало: болезни, войны, катастрофы. Всё это не было случайным. Это был отбор. Жёсткий, непрерывный, беспощадный.

Я пытался вмешиваться.

И каждый раз платил за это.

Первое перерождение в человека произошло на берегах Атлантиды. Тогда я ещё верил, что смогу направить их. Их города сияли, их знания росли быстрее, чем должны были. Но вместе с этим росло и высокомерие. Когда предел был достигнут, мир ответил. Земля треснула, вода поднялась, и океан поглотил всё. Я чувствовал, как тонут города, как исчезают жизни, как рушится то, что я пытался сохранить. Это было не поражение. Это было предупреждение.

Я попробовал снова.

Эльдорадо.

Я стал правителем, осторожным, терпеливым. Я не давил, не ломал. Я направлял. Но люди не нуждались в направлении. Им было достаточно желания. Золото стало их целью, потом — смыслом, затем — болезнью. Они уничтожали друг друга быстрее, чем я успевал исправлять последствия. В итоге джунгли сделали то, что не смог я. Они стерли всё.

Я стал одним из них в Помпеях. Простая жизнь, простые решения. Я пытался действовать тоньше, почти незаметно. Но этого оказалось недостаточно. Вулкан не был случайностью. Это был предел. Город исчез за считанные часы. Люди, дома, надежды — всё осталось под пеплом. Я снова наблюдал. Снова ничего не мог изменить.

Я пытался уйти от людей.

Становился животным. Хищником, который держит баланс в лесу. Жертвой, которая поддерживает цикл. Но даже там я был лишним. Популяции рушились, цепочки ломались, экосистемы умирали. Моё присутствие было слишком тяжёлым.

Я стал частью природы. Рекой. Лесом. Даже микроскопической жизнью. И каждый раз результат был один. Система не принимала меня. Она ломалась подо мной.

Тогда стало ясно.

Проблема не в людях.

Проблема во мне.

Я был слишком... целым.

Для мира, который держится на разделении.

Моё сознание раскололось.

Свет. Тьма. Тень.

Три части, которые могли существовать внутри системы, не разрушая её сразу. Они не были равны. Не были стабильны. Но они позволяли мне оставаться.

Я перестал вмешиваться напрямую.

Начал влиять.

Тонко. Через намёки. Через случайности, которые не были случайными.

Мысли, приходящие в нужный момент.

Ошибки, ведущие к открытиям.

События, которые меняют ход истории.

Люди называли это по-разному. Судьба. Удача. Провидение.

Им было проще так думать.

Я не знал, что будет дальше.

Но одно понимал ясно.

Созидание и Разрушение не остановятся.

Даже без меня.

И значит, Земля — не конец.

Это подготовка.

Я оставил триггер.

Не место. Не время.

Сочетание.

Сила. Характер. Способность выдержать.

Когда появится тот, кто сможет удержать всё это, моё сознание соберётся.

Не полностью.

Но достаточно.

Всё, что происходило на этой планете — рост, падения, войны, открытия — было частью отбора. Медленного, жестокого, но необходимого.

Я наблюдал.

Ждал.

И учился не вмешиваться там, где раньше пытался контролировать всё.

Моя история здесь заканчивается.

Но не потому, что она завершена.

А потому, что дальше она уже не принадлежит мне.

Она принадлежит человеку, который ещё не родился.

И который однажды поймёт, что внутри него — не дар.

А приговор.

«Новое Рождение»

Я жил обычной жизнью. Настолько обычной, что даже скучно вспоминать.

Будильник в шесть сорок пять. Не потому что надо, а потому что я ставил пять будильников и вставал только на последний. Телефон падал с тумбочки, я матерился, тётя кричала с кухни, что опоздаю, и я в ответ орал, что уже встал, хотя лежал лицом в подушку.

Кухня пахла кофе и чем-то подгоревшим. Тётя вечно отвлекалась, когда готовила. Я ел на автомате, листая телефон, делая вид, что новости важнее разговора. Она пыталась спрашивать про школу. Я отвечал коротко. Иногда врал. Иногда просто кивал.

Мы оба делали вид, что всё нормально.

В школе всё было предсказуемо. Одни и те же лица. Одни и те же шутки. Учителя, которые либо устали от жизни, либо делали вид, что им не всё равно. Я сидел где-то посередине класса, не лучший и не худший. Удобная позиция — тебя не трогают.

У меня были знакомые. Даже друзья, если так назвать людей, с которыми ты делишь мемы и домашку. Мы смеялись над ерундой, обсуждали игры, спорили о том, кто сильнее в вымышленных мирах, и искренне считали это важным.

После школы мы иногда зависали во дворе или у кого-то дома. Пицца, дешёвый алкоголь, разговоры ни о чём и обо всём сразу. Кто-то мечтал уехать, кто-то — разбогатеть, кто-то просто хотел, чтобы его наконец оставили в покое.

Я чаще молчал.

Не потому что не было что сказать. Потому что всё это казалось... временным.

Но тогда я ещё не понимал, насколько.

Дома было тихо. Слишком тихо для семьи, которая когда-то была больше. Тётя старалась заполнить эту тишину разговорами, телевизором, бытовыми мелочами. Я — наушниками и экраном.

Иногда мы ужинали вместе. Иногда нет.

Иногда она пыталась говорить о родителях. Я переводил тему. Она делала вид, что не заметила.

Мы оба избегали главного.

И в этом тоже был баланс.

Хрупкий.

Но работающий.

Я иногда думал, что так будет всегда. Что эта жизнь — скучная, предсказуемая, местами раздражающая — и есть та самая стабильность, о которой все говорят.

А потом небо решило иначе.

Авиакатастрофа.

Это не произошло “вдруг”. Это произошло слишком быстро, чтобы мозг успел понять.

Грохот. Ослепляющий свет. Металл, который больше не был формой, а стал осколками. Крики, обрывающиеся на полуслове. Запах топлива, который впился в кожу и, казалось, останется там навсегда.

Мои родители исчезли за секунды.

Без прощаний.

Без шансов.

Просто... были. И нет.

А я выжил.

Меня нашли под обломками. Почти целого. Почти невредимого. Врачи смотрели на снимки, на анализы, на меня — и не могли объяснить.

“Чудо”.

Я слышал это слово слишком часто.

И с каждым разом оно звучало всё более... фальшиво.

Потому что чудо не оставляет тебя одного.

А меня оставило.

После больницы всё стало другим. Внешне — нет. Я вернулся домой, в ту же комнату, в ту же школу, к тем же людям. Внутри — да.

Сны начались не сразу.

Сначала это были обрывки. Чужие лица. Незнакомые места. Ощущения, которые не имели отношения ко мне.

Потом они стали длиннее.

Глубже.

Реальнее.

Самый короткий сон длился семьдесят два года. Я прожил жизнь. Полную. С ошибками, с выборами, с концом. Проснулся — и снова оказался подростком, который не может даже нормально проснуться по будильнику.

Иногда это были века.

Иногда — эпохи.

Иногда — нечто, что вообще не укладывалось в человеческое понимание времени.

Просыпаясь, я не сразу понимал, кто я.

Алекс?

Или тот, кто только что видел, как рушится целый мир?

Я путался в воспоминаниях. Чужие жизни смешивались с моей. Чужая боль становилась моей. Чужие ошибки — тоже.

Врачи называли это посттравматическим синдромом.

Я кивал.

Им было проще так думать.

Мне — проще не спорить.

Я научился притворяться. Улыбаться, когда надо. Шутить, когда от меня этого ждали. Делать вид, что всё под контролем.

Сарказм стал защитой.

Цинизм — привычкой.

Потому что если воспринимать всё всерьёз, можно просто не выдержать.

Мир вокруг стал фоном. Настоящая жизнь происходила во сне. Там были решения. Там были последствия. Там всё имело вес.

Здесь... всё казалось временным.

И вот мне исполнилось двадцать три.

Сон снова изменился.

Я сразу понял.

Это не просто сон.

Я стоял в тронном зале. Я знал его. Слишком хорошо. Я бродил по нему сотни раз, запоминал коридоры, залы, тени на стенах.

Но теперь всё было иначе.

Трон был занят.

За ним стояли ещё два. Золотой и чёрный. Они не были просто предметами. Они... присутствовали. Как если бы на них тоже кто-то сидел, но ты не мог это увидеть.

На троне было существо.

Серебряные волосы стекали до пола, переливаясь золотом и тьмой. Три пары крыльев едва заметно двигались, будто жили своей жизнью.

Я посмотрел в глаза.

И сразу пожалел.

Чёрные белки. Алые радужки. Зрачки — вертикальные, золотые.

Я отвёл взгляд.

Инстинктивно.

— Ты... бог?

Глупый вопрос. Но лучше я ничего не придумал.

Он рассмеялся. Тихо. Но от этого смеха стало холодно.

— Бог? Не оскорбляй меня этим словом.

Я фыркнул, пряча дрожь.

— Ну да, конечно. Сажу тут, перед кем-то с крыльями, глазами как у кошмара, и он ещё обижается на терминологию. Логично.

Он склонил голову, изучая меня.

— Сарказм. Значит, страх тебя ещё не сломал.

— Страх? Нет. Просто привычка шутить, когда всё летит к чёрту.

Он улыбнулся.

Слишком... нормально.

— Ты выжил благодаря мне. Остальные — нет. Ты выбран.

Я выдохнул.

— Ну конечно. Я уже начинаю привыкать к этой фразе.

Он не спорил.

— Договор позже. Сейчас слушай.

И в этот момент я понял.

Это не сон.

Это начало.

И что бы ни происходило дальше, назад дороги уже не будет.

День начинался как обычно.

Я почти не спал. Сны снова были слишком длинными, тяжёлыми, липкими. После них всегда оставалось ощущение, будто я возвращаюсь не в свою жизнь, а в какую-то дешёвую подделку под неё.

В универ я шёл на автомате. Люди вокруг смеялись, спорили, жаловались на пары и жизнь. Всё было до тошноты нормальным.

Слишком нормальным.

На лекции я сел у окна, уткнулся в телефон и сделал вид, что слушаю. Преподаватель бубнил что-то фоном, слова не цеплялись, просто проходили мимо.

Голова постепенно наливалась тяжестью.

Я закрыл глаза.

На секунду.

Тишина.

Не темнота. Не пустота.

Именно тишина.

Я уже знал это ощущение.

— Серьёзно?.. — выдохнул я.

Тронный зал не появился.

Он **вспомнился**.

Чёрный камень, уходящий в бесконечность. Высокие своды. Пространство, где даже мысль звучит слишком громко.

И три трона.

Центральный занят.

Я не хотел смотреть.

Но посмотрел.

Серебряные волосы стекали вниз, словно не подчинялись законам мира. Три пары крыльев за спиной едва двигались, будто жили своей жизнью.

Глаза.

Я сразу отвёл взгляд.

— Ты снова здесь, — голос Умбры не прозвучал, а просто оказался в голове.

— Ну да, — пробормотал я. — Уже начинаю думать, что это подписка.

Лёгкая тень улыбки.

— Скоро тебе будет не до шуток.

— О, интрига подъехала, — я вздохнул. — Давай, удиви меня.

Короткая пауза.

— В ваш мир пришла Система.

Я скривился.

— Звучит как начало плохой игры.

— Это не игра, — его взгляд стал холоднее. — Это отбор.

— Ещё лучше.

Он наклонился чуть вперёд.

— Она даст силу. Возможности. Рост.

— И где подвох? — перебил я.

— Во всём.

Я усмехнулся.

— Лаконично.

— Никогда не принимай её предложения без моего слова, — продолжил он. — Как бы выгодно это ни выглядело.

— А если очень хочется? — я приподнял бровь.

— Тогда ты станешь частью механизма.

Пауза.

— Пешкой.

— Уже звучит как моя обычная жизнь, — фыркнул я.

Он проигнорировал.

— Внутри тебя не только я.

Два трона за его спиной дрогнули.

— Люкс. Свет. Она будет давить на мораль.

— Тенебрис. Тьма. Он предложит силу без ограничений.

— А ты? — я посмотрел на него.

— Я — шанс сохранить себя.

Я хмыкнул.

— Скромно.

Он наклонился ближе.
И пространство вокруг стало тяжелее.
— Когда всё начнётся — беги.
Я замер.
— Без героизма. Без попыток “спасти всех”.
— Да ладно, — я усмехнулся. — Ты меня с кем-то перепутал.
— Я вижу, кем ты можешь стать, — тихо ответил он.
Это прозвучало хуже угрозы.
Пространство дрогнуло.
— Запомни, — добавил он. — Не верь Системе. Не верь людям.
Пауза.
— И не верь себе.
— Отличный набор советов, — пробормотал я. — Прямо хочется жить.
Последнее, что я увидел — его взгляд.
Слишком спокойный.
Слишком уверенный.
Я резко проснулся.
Аудитория.
Преподаватель всё так же бубнит.
Кто-то листает телефон.
Кто-то смеётся.
Обычный день.
Я уже почти выдохнул.
И в этот момент в правом углу зрения что-то дрогнуло.
Не картинка.
Не текст.
Ошибка.
Я сосредоточился.
И она стала яснее.
Не окно.
Не интерфейс.
Осознание.
Имя. Возраст. Параметры.
Я не видел их.
Я **зналих**.
— Ага, — пробормотал я. — Моё досье на вечность. Только харизму обнулили, спасибо.
И в этот момент в голове раздалось:
БЕГИ.
Я даже не удивился.
— Чего? — выдохнул я. — От кого? От налоговой?
И тут мир пошёл трещинами.
Люди начали двигаться рывками.
Глаза — пустые.
Оружие — в руках, без движения.
Я медленно выдохнул.
— Ну вот, — тихо сказал я. — Началось.
Где-то в глубине сознания раздался тихий смешок.
— Я предупреждал, — произнёс Умбра.
Я криво усмехнулся.

— Да, да. “Беги”. Помню.
И на этот раз я не спорил.
Я просто развернулся и побежал.
Потому что иногда лучший способ не умереть — это наконец-то послушать голос в голове.

Даже если он звучит подозрительно разумно.

Я не успел сделать и пары шагов.
Первый крик разрезал аудиторию.
Резко. Грубо. С мясом.
Я обернулся.

Парень у стены стоял с ножом, который секунду назад точно не держал. Его рука дрожала, но не от страха — от напряжения, будто его кто-то дёргал изнутри.

Перед ним девушка. Она даже не поняла, что происходит.

Удар.

Слишком быстрый.

Кровь брызнула на парты, на пол, на лица тех, кто сидел рядом.

Тишина длилась долю секунды.

А потом всё сломалось.

Люди начали двигаться одновременно. Рывками. Ломаной механикой, как куклы с порванными нитями.

Кто-то закричал.

Кто-то рассмеялся.

Кто-то просто встал и ударил ближайшего.

Металл встретился с костью.

Звук — глухой, влажный.

Меня передёрнуло.

— Вот теперь точно началось... — выдохнул я.

Перед глазами всплыл текст.

Не всплыл — врезался.

Первое задание:

Убейте 10 человек вокруг вас.

Первые 3 получают дополнительную награду.

Ваш счёт: 0/10

Выживших: 124/10

Я смотрел на это пару секунд.

— Вы серьёзно?.. — тихо сказал я. — Даже не пытаетесь скрыть, что это мясорубка?

Ответа, конечно, не было.

Зато был удар.

Кто-то врезался в меня сбоку, едва не сбив с ног. Я отшатнулся, удержался, машинально толкнул его в сторону — и только потом понял, что он уже не человек.

Глаза пустые.

Рот приоткрыт.

Дыхание рваное.

Он снова бросился.

Я не стал проверять, насколько он жив.

Отпихнул сильнее и рванул дальше.

Позади раздавались крики. Настоящие. Не игровые.

Кто-то умолял.

Кто-то звал на помощь.

Кто-то просто захлёбывался кровью.

И были другие звуки.

Те, которые не хочется распознавать.

Я пробежал мимо аудитории с выбитой дверью.

Внутри — то же самое.

Люди уже не дрались.

Они резали.

Ломали.

Добивали.

Слишком быстро.

Слишком легко.

Как будто это было не впервые.

— Отлично... — пробормотал я, перепрыгивая через тело, которое ещё секунду назад дёргалось. — Просто отлично.

Голос Умбры тихо скользнул по сознанию:

— Не останавливайся.

— Даже не думал, — выдохнул я.

Коридор впереди был забит людьми.

Паника. Давка. Кто-то пытался выбраться, кто-то уже нападал.

Я резко свернул к окну.

— План Б, — пробормотал я. — Классика.

Позади раздался звук удара.

Я обернулся на долю секунды.

Парень с трубой проломил голову другому. Без колебаний. Без эмоций. Просто сделал шаг вперёд... и ударил снова.

Тело рухнуло.

Он даже не остановился.

Просто пошёл дальше.

Словно искал следующую цель.

Меня пробрала холодная ясность.

Это не вспышка.

Не паника.

Это... правило.
Я рванул к окну, распахнул его и, не думая, прыгнул.
Удар о землю выбил воздух из лёгких. Мир на секунду потемнел.
Но я был жив.
А сверху...
Крики стали громче.
Глухие удары.

Стекло.

Чей-то сорванный голос.
Я медленно поднялся, хватая воздух.
Перед глазами снова всплыло:
Выживших: 97... 82... 61...
Цифры падали быстрее, чем я успевал моргать.
— Да вы издеваетесь... — прошептал я.
Я сделал шаг назад от здания.
Потом ещё один.
И ещё.
Потому что впервые за долгое время всё стало кристально понятно.
Это не начало хаоса.
Это фильтр.
И я... каким-то чудом... в него не попал.
Пока что.
Я криво усмехнулся, чувствуя, как внутри поднимается холодная, знакомая пустота.
— Ладно... — тихо сказал я. — Поиграем по вашим правилам.
Где-то глубоко внутри раздался тихий, довольный смешок.
И почему-то это пугало сильнее, чем крики за спиной.
Я сделал ещё несколько шагов назад.
И только тогда понял, что улица... тоже сломалась.
Сначала это было почти незаметно.

Люди бежали. Кричали. Падали.
Обычная паника.
Потом я увидел собаку.
Дворняга. Худая, облезлая. Таких по городу сотни.
Она стояла посреди дороги, не двигаясь.
Слишком неподвижно.
Я замедлил шаг.
— Только не говори мне... — пробормотал я.
Собака повернула голову.
Щелчок.
Не плавно. Не естественно.
Рывком.
Глаза.
Они светились.
Не ярко. Но достаточно, чтобы понять — это уже не животное.
Её тело дёрнулось.

Кости под кожей сместились, словно их кто-то перекручивал изнутри. Лапы выгнулись, спина выгнулась дугой, шерсть местами осыпалась, обнажая тёмную, будто обугленную плоть.

Она открыла пасть.

Слишком широко.

Я сделал шаг назад.

— Отлично... просто отлично...

Она рванула.

Быстро.

Слишком быстро для такого тела.

Я едва успел отскочить, когда она пролетела мимо, врезавшись в мужчину, который даже не понял, что происходит.

Крик оборвался мгновенно.

Кровь.

Мясо.

Звук разрываемой ткани.

Я отвернулся и побежал.

Теперь уже без оглядки.

Улица вокруг превращалась в ад.

Кошки, птицы, даже крысы — всё, что двигалось, менялось.

Мутировалось.

Становилось чем-то другим.

Один голубь рухнул с неба прямо передо мной.

Я едва не наступил на него.

Он дёрнулся.

Раз.

Другой.

Крылья затряслись, перья начали выпадать, а под ними... кожа. Тёмная, плотная.

Клюв треснул.

Разошёлся.

И из него вырвался визг, больше похожий на человеческий, чем на птичий.

— Да вы издеваетесь... — прошептал я.

Где-то впереди раздалась очередь.

Автоматная.

Короткая. Чёткая.

Военные.

Я свернул за угол и замер.

БТР.

Солдаты.

Крики команд.

— Цель подтверждена! Открыть огонь!

Я не сразу понял, о ком они.

Пока не увидел.

Парень. Лет двадцать, не больше. Он стоял посреди улицы, шатаясь, держась за голову.

— Не стреляйте... — хрипел он. — Я... я не...

Его глаза вспыхнули.

Ярко.

Слишком ярко.

— Огонь!
Очередь разорвала воздух.
Пули врезались в асфальт рядом с ним.
Он закричал.
И в этот момент небо потемнело.
Я поднял голову.
Птицы.
Стая.
Слишком большая.
Слишком плотная.
Они падали вниз, как чёрный дождь.
— Что за... — выдохнул один из солдат.
Они не успели.
Первые птицы врезались в них.
С визгом.
С хрустом.
Клювы били в глаза, в шею, в лицо. Когти рвали кожу, цеплялись, тянули.
Кто-то закричал.
Кто-то начал стрелять в небо.
Бесполезно.
Их было слишком много.
Секунда — и строй сломался.
Две — и началась мясорубка.
Один из солдат упал, закрывая лицо руками. Птицы облепили его, как живой покров, и через мгновение под ними уже не было человека.
Только дергающееся месиво.
— Отступаем! ОТСТУПАЕМ! — орал кто-то.
Но уже было поздно.
Я стоял, не двигаясь.
Слишком близко.
Слишком открыто.
— Беги, идиот, — тихо сказал Умбра.
Я вздрогнул.
И наконец сдвинулся.
Медленно.
Потом быстрее.
Потом бегом.
Я не оглядывался.
Не хотел видеть.
Позади были крики.
Выстрелы.
И звук... который невозможно забыть.
Я свернул во двор, перепрыгнул через забор, пролез через узкий проход между домами.
Сердце колотилось так, что казалось, сейчас вырвется наружу.
— Это... не нормально... — выдохнул я.
— Это новый порядок, — спокойно ответил Умбра.
— Отлично, — прошипел я. — Просто отлично.
Я остановился на секунду, пытаясь восстановить дыхание.
Руки дрожали.

Но голова...
Голова была холодной.
Слишком холодной.
Я посмотрел в сторону дома.
— Ладно, — тихо сказал я. — План простой.
Выжить.
Я снова побежал.
Потому что если я сейчас остановлюсь...
Меня догонят.
И в этот раз мне уже не повезёт.
Я снова побежал.
Не потому что хотел.
Потому что остановиться — значит умереть.
Город за спиной ревел. Кричал. Ломался.

И чем дальше я отходил, тем яснее становилось:
Это не вспышка.

Не паника.
Это система.
Фильтр.
И я его... обошёл.
Пока что.
Я резко свернул во двор, проскочил между гаражами и, не сбавляя темпа, рванул дальше.

Дыхание сбивалось, грудь жгло, но тело двигалось само.
Как будто уже делало это раньше.
Я споткнулся.
Резко остановился.
Перед глазами на долю секунды вспыхнуло чужое воспоминание.
Город.

Не этот.

Чёрные башни.

Крики.

И существа, рвущие людей точно так же, как сейчас.
Я зажмурился.
— Нет... — выдохнул я. — Это не сейчас...
— Это всегда "сейчас", — тихо сказал Умбра. — Ты просто начал вспоминать.
— Очень вовремя, — прошипел я. — Прямо то, что нужно в момент, когда меня пытаются сожрать голуби.
— Это поможет тебе выжить.
— Или добьёт.
— Посмотрим.
Я открыл глаза.
Руки дрожали.

Сильно.
Я сжал кулаки.
— Двигайся, — пробормотал я себе. — Просто двигайся.
И пошёл дальше.
К дому я добрался почти на автомате.
Подъезд встретил тишиной.
Ненормальной.
Слишком плотной.
Я замер у двери.
Прислушался.
Ничего.
Ни шагов.

Ни криков.

Ни звуков борьбы.
— Если сейчас из квартиры вылезет какая-нибудь тварь, я даже не удивлюсь, — тихо сказал я.
— Вероятность не нулевая, — спокойно ответил Умбра.
— Спасибо. Очень обнадеживает.
Я медленно открыл дверь.
Квартира была... нормальной.
Слишком нормальной.
Как будто мир за стенами не умер пару часов назад.
Я вошёл.
Закрыв дверь.
Щёлкнул замок.
И только тогда позволил себе остановиться.
Тишина.
Настоящая.
Не та, что перед резнёй.
А та, в которой уже всё закончилось.
Я сделал шаг.
Потом ещё один.
Скинул куртку.
Она упала на пол.
Я смотрел на неё несколько секунд, не понимая, зачем вообще это сделал.
Потом сел на край кровати.
И вдруг понял.
Я жив.
Все те крики.

Кровь.

Лица.
Они не прекратились.
Они просто остались там.
А я ушёл.
— Отлично, — прошептал я. — Просто отлично...

Руки начали дрожать сильнее.
Я попытался их остановить.
Не получилось.
Дыхание сбилось.
Слишком быстро.
Слишком резко.
Голова закружилась.
— Нет... нет-нет-нет...
Картинки вернулись.
Аудитория.
Удар.
Кровь на партах.
Глаза.
Пустые.
Я резко встал.
Сбил стул.
Он с грохотом упал.
— ТИХО! — рявкнул я сам на себя.
Слишком громко.
Слишком резко.
Тишина ответила эхом.
И это сломало что-то внутри.
— Да пошло оно всё! — сорвался я.
Я ударил по стене.
Раз.
Ещё.
Боль отозвалась в костях, но это было лучше, чем то, что творилось в голове.
— Это... не... нормально... — выдохнул я, сжимая зубы.
— Конечно, — спокойно сказал Умбра. — Но это реальность.
— ЗАТКНИСЬ!
Тишина.
Пауза.
А потом он снова заговорил.
Тише.
Медленнее.
— Смотри на меня.
— Я тебя не вижу!
— Тогда слушай.
Его голос стал... другим.
Не холодным.
Не насмешливым.
Стабильным.
Как якорь.
— Ты жив.
— Пока что, — прохрипел я.
— И это уже больше, чем у большинства.
Я сполз на пол, упираясь спиной в кровать.
Руки всё ещё тряслись.
— Я... ничего не сделал...

Слова вышли сами.

— Я просто... убежал...

— И правильно сделал.

Я усмехнулся.

Криво.

— Да? Серьёзно? Это теперь стратегия? “Беги и надейся”?

— Это стратегия выживших.

Пауза.

— Герои сегодня умерли первыми.

Я закрыл глаза.

Дыхание постепенно выравнивалось.

Медленно.

С трудом.

— Это только начало, да? — тихо спросил я.

— Да.

— И дальше будет хуже.

— Намного.

Я усмехнулся.

— Отлично. Прямо вдохновляет жить дальше.

— Ты уже сделал первый правильный выбор.

— Сбежать?

— Выжить.

Тишина снова накрыла комнату.

Но теперь она не давила.

Она... держала.

Я сидел так несколько минут. Или часов.

Время потеряло смысл.

В какой-то момент я просто лёг на пол, уставившись в потолок.

— Завтра будет ещё хуже, — сказал я.

— Возможно.

— Или лучше?

— Нет.

Я тихо хмыкнул.

— Честно.

— Я не вижу смысла врать тебе.

Я закрыл глаза.

И впервые за весь день не было криков.

Только усталость.

Глухая.

Тяжёлая.

И где-то на грани сознания — ощущение.

Что всё это...

Я уже видел.

— Отдохни, — тихо сказал Умбра.

— Ага... — пробормотал я. — Если получится...

И на этот раз тьма пришла без сопротивления.

Не как враг.

Как передышка.

Потому что завтра...

мир снова попытается меня убить.
«Уровень повышен, мозг сломан»

Проснулся я резко.

Не как после сна — как будто меня выдернули обратно.
Стук в дверь бил по голове сильнее, чем похмелье после чужой жизни.

Громкий. Настойчивый. Не оставляющий вариантов.
Я даже не успел нормально вдохнуть.
Дверь выбили.
В комнату вошли быстро. Чётко. Без суеты.

Чёрные маски, оружие, короткие команды.
Один ствол сразу упёрся мне в грудь.
— Прокофьев Алекс? — голос был ровный, без эмоций.

— Допустим, — хрипло ответил я.
— Следственное управление ФСБ. Никольский Юрий Константинович. Ты пойдёшь с нами.

Без пауз.

Без “можно?”

Без выбора.
— А если нет? — спросил я.
Он даже не моргнул.
— Тогда разговор будет короче.
Я усмехнулся.
— Люблю честных людей.
Меня подняли, не грубо, но и без лишней деликатности.

На выходе я мельком глянул на подъезд.
И замер.
У входа всё ещё были следы.
Тёмные.
Засохшие.
Слишком знакомые.
Я отвернулся раньше, чем успел разглядеть детали.
— Двигайся, — коротко бросили сзади.
Я двинулся.
Потому что уже понял:
если остановлюсь — начну думать.
А это сейчас худшая идея.
Грузовик был тесным.
Без окон.
С воздухом, который, кажется, пережил уже пару таких же поездок.
Напротив сидели двое.
Молчали.

Я тоже.
Сначала.
Потом не выдержал:
— Вы всем так двери выбиваете или я особенный?
Никто не ответил.
— Понял. Индивидуальный подход.
Тишина снова вернулась.
И вместе с ней — мысли.
Подъезд.

Пятна.

Слишком близко к двери.
— Они нашли её, — тихо сказал Умбра.
Я сжал зубы.
— Не сейчас.
— Это важно.
— Я сказал — не сейчас.
Он замолчал.
Но этого уже было достаточно.
База встретила светом прожекторов.
Бетон.

Оружие.

Люди, которые слишком быстро постарели за одну ночь.
Когда меня вывели, я заметил других.
Выжившие.
Или кандидаты.
Среди них мелькнуло знакомое лицо.
Лена.
Она смотрела в одну точку, будто всё ещё была там, в аудитории.
Я отвёл взгляд.
Нас разделили.
Меня — в комнату.
Стол.

Два стула.

Автомат с кофе.
Как будто кто-то решил, что это добавляет уюта.
Я налил себе кофе.
Сделал глоток.
Пожалел.
— Это преступление против человечества, — пробормотал я.
Дверь открылась.
Никольский.
Охрана.
И третий.

Мелкий. Нервный. С глазами, в которых слишком много интереса.
Я сразу понял — проблемы.
— Садись, Алекс, — сказал Никольский.
Я сел.
— У меня к тебе вопросы.
— У вас всегда так начинается знакомство?
Он проигнорировал.
— Что произошло в аудитории?
— Люди сошли с ума, — спокойно ответил я. — Или их свели.
— Конкретнее.
— Сообщение. Квест. Убить десять человек.
Тишина.
— Сто пятнадцать погибших, — сказал он. — И ты называешь это “квестом”?
Я посмотрел на него.
— А как это назвать? Массовая терапия?
Он не оценил.
— Ты сбежал.
— Да.
— Почему?
Я чуть наклонился вперёд.
— Потому что не хотел умирать.
Пауза.
— Рад, что это всё ещё считается разумной стратегией.
Мелкий хмыкнул.
— Трус.
Я перевёл на него взгляд.
— Живой.
Он хотел что-то сказать, но Никольский поднял руку.
— Дальше.
— Дальше улица. Хаос. Люди. Животные. Всё ломается.
— А потом?
Я замолчал.
На секунду.
Этого хватило.
— Потом ты вернулся домой, — сказал Никольский. — Верно?
— Да.
Он смотрел прямо.
— Там уже никого не было.
Я медленно поднял на него глаза.
— Что?
— Мы проверяли подъезд, — спокойно сказал он. — У входа нашли женщину.
Слова ударили точнее, чем пули.
— Нет, — тихо сказал я.
— Почти у двери, — продолжил он. — Видимо, пыталась попасть внутрь.
Я сжал пальцы.
Кофе в руке дрогнул.
— Личность подтверждена, — добавил он. — Твоя тётя.
Тишина.
Я смотрел на стол.

Не на него.
Не на охрану.
На стол.
— Остальные? — спросил я.
— Не найдены.
Коротко. Чётко. Как приговор.
Я кивнул.
Раз.
Второй.
Как будто понял.
Хотя нет.
— Продолжаем, — сказал Никольский.
Я даже не заметил, как он сменил тему.
И правильно.
Потому что если бы не сменил — я бы сорвался.
— Михаил, — коротко сказал он.
Мелкий улыбнулся.
И в следующий момент мир треснул.
Боль пришла мгновенно.
Жёстко.
Без предупреждения.
Как будто мне в голову залили раскалённый металл.
Я попытался вдохнуть.
Не получилось.
— Барьер... — прошептал Михаил. — Тут что-то есть...
— Пробивай, — спокойно сказал Никольский.
И вот тогда стало по-настоящему плохо.
Мой мир померк. Сознание соскользнуло во тьму. И когда я уже падал в неё, где-то глубоко внутри раздался знакомый голос.
— О, а вот и наш незванный гость, — раздалось с иронией. — Маленькая крыса решила залезть в чужой дом.
Я снова оказался в том самом замке. Передо мной — Миша. Но теперь его лицо искажала агония. Глаза выкатывались из орбит, кожа трескалась и чернела, как от огня.
— Не помню, чтобы я позволял тебе сюда входить, насекомое, — прозвучал голос Умбры.
— Исчезни.
Мишу начало рвать на куски прямо у меня на глазах. Его плоть осыпалась чёрным пеплом, рот растянулся в беззвучном крике, пока его остатки не затянула клубящаяся тьма.
— В этот раз я помог тебе, — спокойно сказал Умбра. — Дальше справляйся сам.
И пока я растворялся, возвращаясь в реальность, он добавил:

— Согласись на их предложение. Но потребуй гарантию своей безопасности.
Я вернулся в тело резко.
Как удар.
Воздух ворвался в лёгкие.
Голова трещала.
А в комнате... стало тихо.
Слишком.
Я посмотрел вниз.
Михаил лежал на полу.

Глаза пустые.
Кровь.
Много.
— Похоже... перегрузка, — хрипло сказал я.
Никольский не ответил.
Он смотрел на меня.
Как на проблему.
И как на инструмент.
Перед глазами всплыло:

Получено: «Ментальное сопротивление»

Уровень повышен → 4

Я усмехнулся.
— Отлично. Хоть что-то полезное.
— Ты нам нужен, — тихо сказал Никольский.
— Уже понял.
— Год защиты. Обучение. Работа на нас.
Я вспомнил слова Умбры.
— Согласен, — сказал я. — Но с гарантией.
Он кивнул.
— Год.
— Договорились.
Пауза.
Он посмотрел на меня внимательнее.
— Последний вопрос. Стихия есть?
Я перевёл взгляд на тело Михаила.
— Если “не трогай мой мозг, если не хочешь умереть” считается — то да.
Тишина.
Тяжёлая.
Я откинулся назад.
И впервые за всё время подумал не о системе.
Не о выживании.
А о том, что на этой базе...
уже лежит одно тело, которое я должен увидеть.
И почему-то это было хуже всего остального.
«Мир, который начал всё сначала»

К базе меня привезли ночью.
И, конечно, не через главный вход.
Сначала — бетон.

Потом — заборы.

Потом — ещё заборы.

С прожекторами, вышками и людьми, которые смотрят так, будто ты уже сделал что-то плохое, просто пока сам об этом не знаешь.

Машину остановили у внешнего периметра.

Проверка.

Документы.

Лица.

Меня вывели.

— Дальше пешком, — бросил один из сопровождающих.

Я поднял голову.

И впервые нормально увидел базу.

Это был не просто военный объект.

Это был... город.

Собранный из бетона, металла и страха.

Контейнеры, переделанные под жилые блоки.

Ангары.

Тренировочные площадки.

Башни наблюдения.

И люди.

Много людей.

Слишком много для места, которое должно было “временно принять выживших”.

— Добро пожаловать, — тихо сказал Умбра. — В новый мир.

— Похоже на концлагерь с бонусами, — пробормотал я.

— Разница минимальна.

Первое, что мне показали — не казармы.

Кладбище.

Небольшое.

Аккуратное.

Слишком новое.

Ряды простых табличек. Без имён. Иногда — только номер.

— Не всех удаётся опознать, — сухо сказал сопровождающий.

Я молчал.

Он остановился у одной из могил.

— Здесь.

Я посмотрел.

Просто земля.

Просто табличка.

Но внутри что-то дёрнулось.

Сильно.

— Подтверждение личности было, — добавил он. — Мы сделали всё по протоколу.

— Угу, — выдохнул я.

Протокол.
Хорошее слово.
Удобное.
Закрывает всё, что не хочется чувствовать.
Я постоял ещё пару секунд.
Потом отвернулся.
Потому что если задержусь — начну думать.
А я уже знал, чем это заканчивается.
Год прошёл... странно.
Не быстро.

Не медленно.
Как будто кто-то поставил жизнь на повтор и забыл выключить.
Сначала было даже... терпимо.
Новая среда.

Новые люди.

Постоянное ощущение, что ты в центре чего-то важного.
Потом это прошло.
Осталась рутина.
Подъём.

Тренировка.

Занятия.

Тренировка.

Ещё занятия.

Сон.
И так по кругу.
День за днём.
Неделя за неделей.
— Ты хотел выжить, — напоминал Умбра.
— Не думал, что это будет так скучно, — отвечал я.
База жила по своим правилам.
Здесь не было “гражданских”.
Были:

бойцы

исследователи

“одарённые”

и такие, как я — непонятно что, но потенциально полезные
Меня определили в учебный блок.

И началось.
Стрельба.
Сначала автоматы.
Потом пистолеты.
Потом что-то тяжелее.
— Привыкай, — говорил инструктор. — Патроны заканчиваются. Враги — нет.
Потом добавили луки.
Я посмотрел на него, как на сумасшедшего.
— Серьёзно?
— Серьёзно. Когда потеряешь всё — вспомнишь этот разговор.
— Обнадеживает.
Анатомия.
Не человеческая.
Точнее... не только.
Новые виды.
Твари.
То, что раньше называли “животными”.
— У каждого есть слабое место, — говорили нам. — Вопрос в том, успеешь ли ты его найти.
Выживание.
— Вода — не всегда вода.

— Растение — не всегда еда.

— Тишина — не всегда безопасность.
Навигация и картоведение.
Потому что карты устаревали быстрее, чем их рисовали.
Мир менялся.
Ломался.
Переписывался.
И были... странные дисциплины.
Кристалловедение.

Магическая теория.
Смешно.
Пока не понимаешь, что это теперь не фантастика.
А реальность.
— Мы знаем мало, — честно говорили преподаватели. — Но это больше, чем ничего.
И каждый раз, когда я это слышал...
внутри что-то тихо усмехалось.
— Они играют в слепых, — говорил Умбра.
— А ты, значит, всё знаешь?
— Нет. Но я хотя бы понимаю, чего не знаю.
Отличная философия. Бесполезная, но звучит умно.
За пределами базы мир... не остановился.
Он стал хуже.
Зоны исчезали.
Появлялись новые.
Леса, в которые нельзя заходить.

Океаны, которые лучше не видеть.

Небо, которое иногда смотрит на тебя в ответ.

И врата.

Они появлялись по всему миру.

Разные.

Всегда разные.

— За каждой дверью — мир, — говорили нам.

— И всегда с сюрпризом, — добавлял инструктор.

Ты мог войти в тихую арку...

и оказаться:

●

в ледяной пустоши

●

в джунглях, где воздух режет лёгкие

●

в океане, где ты тонешь ещё до того, как понимаешь, где вверх

— И там есть жизнь, — говорили они. — Целые экосистемы.

— Отлично, — пробормотал я. — Ещё места, где меня могут убить.

Система щедро награждала за рейды.

Опыт.

Навыки.

Сила.

У всех были истории.

Кто-то закрывал врата.

Кто-то убивал тварей.

Кто-то возвращался с артефактами.

А я...

стоял на месте.

Четвёртый уровень.

Год.

Ни шага вперёд.

— Это ненормально, — сказал я однажды.

— Это ограничение, — ответил Умбра.

— Или я просто неудачник.

— Это тоже вариант.

Моя способность...

фиксировала.

Запоминала.

Анализировала.

Но не давала опыта.

Вообще.

— Полезно, — сказали мне.

— Бесполезно, — ответил я.

— Пока.
Вот это “пока” я ненавижу больше всего.
Со временем люди вокруг менялись.
Кто-то ломался.
Кто-то становился жёстче.
Кто-то... исчезал.
Просто однажды не возвращался с задания.
И его имя появлялось на табличке.
Без лишних слов.
И всё же...
было странное спокойствие.
За этот год:
— не было снов

— не было видений

— не было голосов
Тишина.
Настоящая.
Я почти забыл, каково это — быть внутри чужой головы.
— Тебе это нравится, — однажды сказал Умбра.
— Да, — честно ответил я.
— Не привыкай.
Я усмехнулся.
— Конечно. Потому что всё обязательно снова станет хуже.
— Именно.
Я лежал на кровати, уставившись в потолок.
Обычный вечер.
Обычный день.
Обычная жизнь.
Если не считать того, что мир снаружи медленно умирал.
— Забавно, — тихо сказал я. — Я хотел выжить.
— И?
— Кажется, я застрял.
Пауза.
— Нет, — ответил Умбра. — Ты не застрял.
— А что тогда?
Тишина длилась дольше обычного.
— Ты готовишься.
Я закрыл глаза.
И впервые за долгое время...
это прозвучало не как угроза.
А как факт.

И вот настал тот день, когда меня наконец-то взяли в экспедицию. Боже, как долго я этого ждал. Скучные дни, заполненные тренировками и лекциями, наконец-то подошли к концу. Нас отправляли на зачистку во врата, которые, по словам инструкторов, уже были разведаны. Они уверяли, что это будет лёгкий забег для новичков, просто чтобы показать, как изменился мир. В моём воображении это выглядело как увлекательное приключение — шанс глотнуть свежего воздуха, испытать себя и наконец-то избавиться от рутины. Но где-то в глубине души я

чувствовал лёгкое беспокойство, как будто за этим всем скрывалось нечто большее, чем просто тренировочный рейд. За год моя статистика не сильно и изменилась. Стоило только обратить на неё внимание как появилось окно.

Имя пользователя: Алекс
Возраст: 24
Мировоззрение : Нейтрал
Эволюций: 0 , до следующей эволюции 96 уровней
Опыта до следующего уровня: 50 ед
Очков мутаций: 0
Очков характеристик: 8
Уровень: 4
Ментальный возраст: ~~~
Энергия: 6
Душевная энергия: 13
Сила: 11
Ловкость: 12
Интеллект: 15
Выносливость: 13
Харизма: 0
Особые черты:
Хладнокровие
Идеальная память
Проклятье:
Сосуд души неизвестной сущности
????????
Навыки:
Ментальное сопротивление ур. 1
Метательное оружие ур. 3
Холодное оружие ур. 6
Огнестрельное оружие ур. 7
Навигация ур. 2
Репутация
" Неизвестно "

Ничего сверхъестественного но я уже преодолел порог обычного человека.

В экспедиции нас будет тридцать человек. Пять инструкторов и двадцать пять курсантов. Нас поделили на группы по пять человек и одного инструктора. Моя группа была настолько разношерстной, что разговоры сами собой напрашивались.

Двое русских , двое азиатов и один афро. Из всей группы только Готто, так зовут африканца решил познакомиться и проявить интерес, остальные были на своей волне весь путь до ворот. Готто оказался веселым парнем с интересной силой он мог чувствовать присутствие существ в определённом радиусе вокруг себя и познанием сути, то есть лишь взглянув на кого то или что он может сказать насколько это опасно или какую пользу принесет. А из минусов ну уж очень он болтливый, хотя из его болтовни можно почерпнуть много интересной информации. Того русского парня зовут Артур Шишкин, его способность, говорящий с духами, и даже сейчас Готто говорить что они вокруг него летают, но как оказалось есть и минусы, чтобы самому их видеть надо быть под приходом или способность будет неполноценна, трудно управ-

лять тем чего не видишь. Азиаты всегда отстранены от всех, в любой группе они или одиночки или липнут к своим же и про них мало что известно. А вот наш инструктор оказался еще тем фруктом. Ростом выше двух метров, тело как у медведя и контрастные орлиные глаза с снежно белыми волосами заставляют его уважать что ли. Трудно такое выразить в словах..Зовут его Орн и как оказалось это его двадцать шестая вылазка во врата, Готто говорит что он один из самых высокоуровневых людей на базе.

Подъехав к вратам, я замер, ощутив, как воздух вокруг стал тягучим, наполненным скрытым напряжением. Орн, стоявший рядом, на миг задержал дыхание, его лицо стало серьёзным, словно он вспоминал что-то давно забытое. Готто, обычно болтливый, молчал, а его глаза метались по резным узорам, будто он пытался разгадать их тайну. — Чёрт возьми, это точно не человеческая работа, — пробормотал он. Маша, чуть побледнев, сжала амулет на шее, её губы беззвучно шептали молитву. Даже Ренар, всегда хладнокровный, нервно постукивал пальцами по рукояти своего меча. — Этого хватит, чтобы напугать и самых смелых, — тихо бросил он, бросив напряжённый взгляд на фрески, которые, казалось, оживали под мерцающим светом. Врата словно испытывали нас, и эта тишина, наполненная скрытой угрозой, давила на каждого из нас, заставляя чувствовать собственную ничтожность. Эти сооружения выглядели так, словно не принадлежали этому миру. Величественные и пугающие одновременно, они достигали не менее двадцати метров в высоту, покрытые древними резьбами, которые двигались под углом зрения, создавая иллюзию живых фигур. Лица на фресках, изображающие людей, зверей и странных существ, которых я не мог опознать, словно следили за каждым нашим движением. Их глаза мерцали алым светом, усиливающимся с каждой секундой.

Колонны, поддерживающие врата, были испещрены крошечными рунами, светящимися холодным серебром, а сам вход представлял собой чёрную мембрану, окутанную дымкой. Из неё доносился тихий, пронзительный шёпот, как будто тысячи голосов нашептывали предупреждения. Врата, словно живое существо, давили на сознание, вынуждая ощутить свою ничтожность перед этим явлением.

--- Это Гоблины сказал Орн, основной враг этих врат, там их целый город. Мы бы давно справились но там густые джунгли а они прячутся по норам и пещерам, а внутри целое подземелье с кучей ловушек и тайных ходов.

Именно по этому у нас Готто?

--- А ты смысленый, надеюсь когда дойдёт до дела, ты покажешь себя не хуже. А теперь, ВПЕРЕД! Заходим во Врата.

Как только мы вошли, мир вокруг начал искажаться, словно сама реальность протестовала против нашего присутствия. Воздух стал густым, как смола, давя на грудь, а странное шипение пробежало вдоль ушей. Люди замерли, когда из пустоты раздался жуткий смех, дроbiaщийся и усиливающийся, пока не превратился в хор потусторонних голосов.

С чудовищным грохотом ворота начали закрываться, их движение сопровождалось гулом, от которого содрогалась земля. Каменные створки двигались медленно, каждая секунда этого процесса будто растягивалась в вечность. Воздух наполнился нарастающим ревом, словно сотни голосов пытались перекричать друг друга из глубин этого мира. С их поверхности начали срываться всполохи багрового света, заполняя пространство пульсирующей аурой, мешающей покинуть врата. Люди вокруг пытались перекикивать шум, кто-то звал по именам оставшихся снаружи, но их голоса утопали в ужасающей какофонии звуков. Последний удар створок, когда они сомкнулись, выбросил мощную волну воздуха, сбивая с ног ближайших и оставляя у всех ощущение, будто мир только что сменил своё дыхание. Сразу же появились огромные крылья, их очертания проступили из тьмы на поверхности дверей, плавно расправляясь. Каждое взмахивание крыльев порождало мощные порывы ветра, которые сбивали людей с ног. Вздохи ужаса разнеслись среди нас, кто-то упал, кто-то закричал, а на другой стороне — едва уловимые крики удивления и беспомощности тех, кто остался снаружи. Каза-

лось, что врата полностью изолировали нас, превратившись в щит, который больше никогда не откроется.

Фрески на колоннах начали пульсировать алым светом, словно в такт сердцебиению огромного существа. Лица на барельефах исказились, превращаясь в оскаленные маски ужаса. Из их глазниц начали струиться тонкие линии кроваво-красной энергии, которые, сливаясь, образовали вихрь над мембраной врат. Крылья, полностью раскрывшись, создали плотный кокон из тьмы, сквозь который пробивались лишь редкие искры электрического разряда.

— Что за чёрт?! — крикнул кто-то из группы, его голос утонул в общем шуме. Смех, гул, скрежет — всё смешалось в какофонию звуков. На другой стороне едва слышно доносились глухие удары и крики. Люди снаружи явно пытались что-то сделать, но их голоса становились всё слабее, пока не пропали вовсе.

В этот момент я понял — это не просто ловушка. Это было нечто большее, словно сама реальность склонилась перед незримой силой. Врата приняли нас, как жертву, их тёмная энергия, казалось, пронизывала всё вокруг, пробуждая странное эхо в моём сознании. На миг я почувствовал, как нечто внутри меня трепетно отозвалось, словно давно забытая часть моего существа узнала знакомую силу. Рисунки на фресках у колонн засияли алым светом, а лица застыли в злобном оскале. А саму дверь обернули три пары огромных крыльев.

Ошибка! Ошибка! Ошибка!

Вмешательство вне уровневого существа!

Попытка защиты

Провал!

Попытка блокировки

Провал!

Мир корректируется по воле изначального!

Ошибка! Ошибка!

Зелёный мир Гримгал претерпевает изменения!

Ошибка! Уровень существ повышается! Ошибка!

Законы причинности меняются

Корректировка мира!

“Приветствую путников”

Вы вошли в красный мир Гримгал пепла и тени!

Ваша Миссия зачистить этот мир!

Срок--- Вечность

Уровень ???

Награды ???

Скрытые награды ###

Как только мы пересекли порог, новый мир встретил нас хаосом. Люди начали переглядываться, кто-то шептал молитвы, а другие нервно осматривали окружающее. Артур молча зажал свой амулет, его руки слегка дрожали.

— Это что, рай или ад? — пробормотал он, бросив короткий взгляд на Орна.

Маша, сжав руки на амулете, шептала что-то себе под нос, словно читая молитву. Готто тихо присвистнул, осматривая местность:

— Это... место меня пугает. Тут всё не так, как должно быть.

— Кто здесь может не пугаться? — язвительно бросил Ренар. — Посмотри на их лица. Мы все уже жалеем, что вошли сюда.

— Держите строй! — Орн подал команду, его голос эхом разнёсся по мрачному ландшафту. — Паника никого не спасёт. В воздухе стояло ощущение чуждости, будто сам этот мир

дышал иной энергией. Я снова ощутил странный толчок в груди, а в голове пронеслась мысль, которую не могу объяснить: "Это место было создано, чтобы испытывать тех, кто шагнёт в него."

— Это место хуже, чем я думал, — выдохнула Маша, сжимая в руках амулет.

— Ты думаешь, это плохо? — хрипло бросил Артур, оглядываясь по сторонам. — Это ещё только начало. Чувствую, здесь нас ждёт что-то куда хуже.

— Замолчи, если не хочешь всех испугать, — резко ответил Орн, двигаясь вперёд. Его голос был твёрд, как сталь. — Нам нужно сосредоточиться. Готто, что ты чувствуешь?

— Они здесь, — прошептал Готто, его глаза расширились от напряжения. — Их много... и они ближе, чем я ожидал.

— Отлично, — саркастично бросил Ренар. — Кажется, мы попали в рай для маньяков.

— Это что, должно быть нормально? — бросил Артур, оборачиваясь к Орну.

— Нет, — коротко ответил тот. — Система глючит, а значит, что-то или кто-то вмешивается.

— О, отлично, — вставил Готто с кривой усмешкой. — Мы теперь не просто мясо, а мясо для чего-то большого. Кто-нибудь ещё хочет назад?

— Тихо! — рявкнул Орн, и все замерли. — Что за чёрт?! — крикнул кто-то, но слова утонули в общем гуле. Готто, обычно болтливый, резко затих, его глаза блуждали, как у охотника, вынюхивающего опасность.

— Они здесь, я чувствую их, — его голос сорвался на шёпот. — Они близко. Очень близко.

— Кто они? — прошептала Маша, сжимая в руках амулет. — Что это?

— Не думайте, просто двигайтесь! — рявкнул Орн, взяв инициативу. — Сохранять строй, и не вздумайте паниковать! Матам не было предела, кто-то пытался выкрикивать команды, но его голос утонул в общем гуле. Обычная, ничем не примечательная вылазка превратилась в кровавую игру на выживание, где тридцать человек оказались против целого мира. Одни пытались спрятаться за колоннами, другие метались из стороны в сторону, словно запертые в клетке звери. У некоторых уже тряслись руки, и оружие выпадало из пальцев, в то время как самые опытные инструкторы с хриплым криком пытались взять ситуацию под контроль. Лица побледнели, а в глазах застыл первобытный страх, словно все понимали — из этой ловушки не выйти.

В душе закралось смутное чувство тревоги, ведь что то внутри меня подсказывало из за кого мы оказались в такой жопе и на кого свалят все орехи. Не подавай вида будь как все, эти слова я повторял как какую то мантру. Благо инструкторы смогли подавить зарождающуюся панику, и инцидентов смогли избежать. Мы решили не оставаться у ворот привлекая внимание и начали искать место для временной базы.

Три инструктора шли впереди, те кто ходил уже в вылазки по бокам, новички в центре и двое инструкторов замыкали. Усложняли наши движения странная смесь леса и тропиков. Спустя пару часов ситуация начала обостряться, инструкторы заметно нервничали, ведь уже смеркалось а именно ночью монстры самые активные.

Нам повезло до того как взойшли луны, а как оказалось их тут шесть, мы нашли пещеру которую можно было бы защитить нашим отрядом и решили обустроиться там.

Из отряда в тридцать человек, выраженным магическим даром обладало всего десять. Небезызвестный Готто с его поиском и сутью, укурыйш с духами который почему то внутренне меня раздражает, пара близнецов с магией огня. Азиат управляющий землей. Русская девушка со способностями целителя. И наши инструкторы.

С ними отдельная тема, тот же Орн оказался оборотнем, превращающимся в почти пятиметрового белоснежного волка. Про остальных я мало что знаю. Только имя и силу, список вышел примерно такой. Орн - Волк оборотень. Ингрид - полный контроль звука и эхолокация.

Диего - мастер барьеров чем он сейчас и занимается, выглядит это очень красиво, медленно поднимающийся от земли золотистый купол который должен нас защитить а радужное мерцание сделать невидимыми. Ренар мрачный тип со сверхчеловеческой скоростью, но должен признать, без него мы бы так и не нашли это место. И Сильвия, самая сильная из всех, ее способность лёд и стазис. Она может превратить всё в почти километровом радиусе в лёд.

Ночь в этом мире особенно прекрасна, шесть лун мирно сияющих в небе и сияние схожее с полярным пробегает то тут то там. И было бы похоже всё на сказку или пикник если бы не вой зверей и то тут то там шевелящийся кустарник и периодически вспыхивающие в темноте красные зрачки.

«Ночь, что не кончилась»

Мы почти не разговаривали.
Каждый был занят своим.
Кто-то проверял оружие.

Кто-то просто сидел, уставившись в темноту.

Кто-то делал вид, что всё под контролем.
Я относился к последним.

— Дежурства распределили, — коротко сказал Орн. — Две линии. Наружная и внутренняя. Новички — внутри.

— Как мило, — пробормотал я. — Нас хотя бы честно называют мясом?

— Пока ещё нет, — спокойно ответил Ренар. — Но ты держись, шанс есть.

Я криво усмехнулся.

— Обнадёжил.

Готто сидел рядом, но на этот раз молчал. Его взгляд был направлен куда-то в темноту за пределами купола.

— Что? — тихо спросил я.

Он не сразу ответил.

— Они не уходят, — наконец сказал он. — Кружат. Смотрят. Ждут.

— Сколько?

Пауза.

— Достаточно, чтобы нам было очень плохо.

Отлично.

Просто отлично.

Первый удар пришёл без предупреждения.

Не крик.

Не рычание.

Просто треск.

Сухой, резкий.

И в следующую секунду что-то врезалось в барьер Диего.

Купол вспыхнул золотом, словно его ударили изнутри солнцем.

— Контакт! — рявкнул один из инструкторов.

Второй удар.

Третий.

Теперь уже со всех сторон.

В темноте мелькали силуэты — быстрые, рваные, слишком низкие для людей.

— Гоблины, — сквозь зубы сказал Орн. — Готовьтесь.

Барьер дрогнул.

— Долго не выдержит, — бросил Диего. — Слишком много.

— Значит, работаем, — спокойно ответил Орн.

Вот и “лёгкая вылазка”.

Когда барьер лопнул, звук был... странным.

Не как стекло.

Скорее как разорванная ткань.

И они полезли.

Мелкие.

Жилистые.

С вытянутыми мордами и глазами, светящимися в темноте.

Их было много.

Слишком много.

— ДЕРЖАТЬ СТРОЙ! — рявкнул Орн.

Все пришли в движение.

Кроме меня.

Я стоял.

Секунду.

Две.

Пытаясь понять, где я вообще должен быть.

Ошибка.

Один из гоблинов вырвался вперёд быстрее остальных.

Я увидел его слишком поздно.

Он прыгнул.

Я дёрнулся, но тело запоздало.

Когти уже шли к горлу.

И в этот момент что-то мелькнуло перед глазами.

Ренар.

Он даже не остановился.

Просто прошёл мимо — и гoblin разлетелся на части.

— Не стой, идиот! — бросил он, не оборачиваясь.

Я отшатнулся назад, спотыкаясь о камень.

В руке был нож.

Я даже не помнил, когда его достал.

Отлично.

Вооружён и бесполезен.

— Слева! — крикнул кто-то.

Я повернул голову.

Ошибка номер два.

Сбоку на меня уже летел ещё один.

Я попытался ударить.

Промах.

Слишком медленно.

Слишком неуклюже.

И в этот момент его буквально снесло волной огня.

Близнецы.

— Смотри по сторонам! — крикнул один из них.

Я кивнул.
Автоматически.
Понимание не пришло.
Кто-то схватил меня за плечо и резко дёрнул назад.
Я едва не упал.
— В центр! — рявкнул один из инструкторов. — Живо!
Я не спорил.
В этот раз — нет.
Отступил.
Шаг.

Ещё один.
Сзади уже стояли такие же, как я.
Новички.
Которые пытались не умереть.
И не мешать.
Снаружи шёл бой.
Настоящий.
Без пафоса.
Без красивых движений.
Кровь.

Крики.

Рваные тени в свете огня и вспышек.
Орн уже не был человеком.
Белый волк.
Огромный.
Он рвал их.
Без остановки.
Без сомнений.
Сильвия замораживала целые участки поля, превращая десятки гоблинов в хрупкие статуи, которые рассыпались от ударов.
Ренар просто исчезал и появлялся в другом месте.
Слишком быстро, чтобы следить.
А я...
Стоял.
И впервые за всё это время понял простую вещь:
Я здесь — лишний.
Бой закончился так же резко, как начался.
Последний гoblin упал.
Тишина.
Тяжёлая.
Живая.
— Потери? — коротко спросил Орн, снова принимая человеческий облик.
— Есть раненые, — ответила Сильвия. — Без убитых.
— Повезло, — бросил Ренар.
Я выдохнул.
Только сейчас понял, что всё это время почти не дышал.

— Неплохо для первого раза, — сказал кто-то рядом.

Я усмехнулся.

— Да. Особенно если ты не участвовал.

Готто посмотрел на меня.

Долго.

— Ты не бесполезен, — сказал он.

Пауза.

— Просто пока не знаешь, где твоё место.

Я хмыкнул.

— Отлично. Осталось только не сдохнуть, пока разбираюсь.

Он не улыбнулся.

Тишина после боя держалась недолго.

Она не была спокойной.

Она была... выжидающей.

Кто-то тяжело дышал.

Кто-то тихо матерился.

Кто-то просто сидел, уставившись в одну точку.

Новички начали отходить.

Поздно, но начали.

— Всё, хватит, — раздался голос Сильвии.

Он не был громким.

Но его услышали все.

Она шагнула вперёд, окинув нас взглядом. Спокойным. Чётким. Без лишних эмоций.

— Паника — это нормально, — продолжила она. — Умереть от неё — нет.

Кто-то нервно усмехнулся.

Сильвия не обратила внимания.

— Вы живы. Это уже больше, чем многие получают в первый день. Сделайте выводы и не повторяйте ошибок.

Она подошла ближе.

Ко мне.

Отлично.

Именно этого мне сейчас не хватало.

Я встретился с ней взглядом.

Холодные глаза. Чистые. Как лёд.

— Ты, — сказала она спокойно. — Слишком поздно реагируешь.

— Уже заметил, — буркнул я.

Она чуть склонила голову, рассматривая меня внимательнее.

— Но не паникуешь, — добавила она. — Это редкость.

Пауза.

— И глаза у тебя... странные.

Я приподнял бровь.

— Это сейчас комплимент был?

— Да, — спокойно ответила она. — Они не бегают. Даже когда ты теряешься.

Где-то в глубине сознания раздался тихий смешок.

— О, тебя похвалили, — протянул Умбра. — Запомни этот момент. Возможно, он будет последним.

Я едва заметно скривился.
— Заткнись, — пробормотал я себе под нос.
Сильвия нахмурилась.
— Что?
— Ничего, — быстро ответил я. — Сам с собой разговариваю. Полезная привычка.
— В этом мире — да, — спокойно сказала она.
И отошла к остальным.
— Слушаем сюда! — её голос стал жёстче. — Барьер восстановлен. Пока он держится — мы живы. Диего не вечный, так что расслабляться не советую.
Диего, стоявший у границы купола, даже не обернулся.
Золотистая поверхность снова медленно пульсировала, как живая.
— Перераспределяем позиции, — продолжила Сильвия. — Внешний круг — опытные. Новички — центр. Наблюдаем, учимся, не мешаем.
— То есть всё как обычно, — буркнул Ренар.
— Именно, — холодно ответила она.
Готто вдруг резко поднял голову.
— Они возвращаются, — тихо сказал он.
Все замерли.
— Быстро? — спросил Орн.
— Слишком, — ответил Готто. — Но... что-то не так.
В темноте снова начали двигаться тени.
Много.
Слишком много.
Гоблины.
Они выходили из-за деревьев, из кустов, из темноты, словно сама земля их выплёвывала.
Но на этот раз...
Они остановились.
Прямо перед барьером.
Первые ряды подошли вплотную.
Один из них вытянул лапу и коснулся золотистой поверхности.
И резко отдернул.
Тварь зашипела, отступив назад.
— Не проходят, — тихо сказал Диего, не оборачиваясь. — Пока держу.
— Пока? — переспросил кто-то.
— Пока я не сдох или не выдохнусь, — спокойно уточнил он.
Обнадёживающе.
Очень.
Гоблины не атаковали.
Они ждали.
Смотрели.
Их глаза светились в темноте, как угли.
— Они учатся, — тихо сказал Готто.
— Или ждут, — добавил Орн.
Я сглотнул.
— Чего?
Пауза.
— Ночи, — ответила Сильвия.
Как будто сейчас было не ночь.
Отлично.

Просто прекрасно.

— Видишь? — снова раздался голос Умбры. — Даже местные твари понимают, что ты слабое звено.

Я медленно выдохнул.

— Ты сегодня особенно разговорчивый.

— Ты сегодня особенно бесполезный, — спокойно парировал он.

Справедливо.

Бесит.

Гоблины начали отступать.

Медленно.

Не спеша.

Не убегая.

Как будто знали, что вернутся.

И вернутся не одни.

Тишина снова опустилась на лагерь.

Но теперь она была другой.

Не панической.

А...

Ожидающей.

И где-то глубоко внутри я уже понимал:

Это был только первый раунд.

И, судя по всему,

самый лёгкий.

Скоро мне предстояло нести караул, и я надеялся урвать хотя бы немного сна.

Но стоило закрыть глаза — и мир предательски рухнул.

Меня снова втянуло в ту самую пустоту, где одиноко возвышался антрацитовый замок. Он не просто стоял — казалось, он дышал. Стены из чёрного кристалла едва заметно шевелились, словно отражали чужие мысли, а тьма вокруг была вязкой, как смола.

Он ждал меня.

— Пришло время поговорить, — произнёс хозяин замка. Его голос не звучал — он ощущался. Вибрацией под кожей, давлением в костях, сбитым ритмом сердца. — Но сначала слушай. Вопросы потом.

— Прекрасно, — буркнул я. — Очередной монолог тёмного владыки. Давай, удиви.

— Осталось полгода. И тогда в этот мир придут древние. За ними явятся и высшие. Люди... — он сделал паузу, словно отрезая слово от реальности. — Люди для меня — пыль. Но именно из меня зародился ваш подвид.

Я моргнул.

— Прости, что? Из тебя? То есть... я твой... родственник?

— Тсс. Я сказал: вопросы потом.

В темноте вспыхнули его глаза.

— Ты слишком слаб. Мне пришлось вмешаться в систему, чтобы выдать тебе награду. Этим я привлёк внимание тех, кто не должен был знать о твоём существовании. Теперь я смогу помогать тебе лишь после первой эволюции.

Пауза.

— У тебя месяц.

Я выдохнул сквозь зубы.

— Замечательно. Просто прекрасно. Ничего не хочешь добавить? Например, “удачи, ты умрёшь”?

— Лишить тебя языка было бы проще, чем постоянно слушать, как ты прикрываешь страх сарказмом.

Я напрягся, но усмехнулся.

— Справедливо. Но вдруг я умру, и тебе станет скучно?

Он не ответил.

Только наклонился вперёд.

И в этот момент пространство за его спиной дрогнуло.

Два трона.

Два силуэта.

Один — золотой свет, на который невозможно смотреть.

Другой — чистая тьма, из которой проступали алые глаза и улыбка с обсидиановыми клыками.

Воздух задрожал, словно сам мир пытался отвернуться.

— У тебя остался один вопрос, — сказал он. — Время уходит.

Я скривился.

— Кто такие эти древние? И как ты вообще умудрился влезть в систему?

Тень улыбнулась.

— Древние — это те, кто прошёл не одну эволюцию. Три. Пять. И больше. Они пережили миры и войны. Каждый из них — катастрофа в живой форме.

Он сделал паузу.

— А в систему я вмешался просто. Я старше неё. В её основе есть моя сила.

Пространство вокруг пошло трещинами.

— Время вышло. Встретимся после твоей эволюции.

Пауза.

— А теперь проснись. У вас гости.

Я резко очнулся.

Как будто меня выдернули из ледяной воды.

Ночь не отступила.

Лагерь всё так же стоял в напряжённой тишине. Часовые были на постах. Барьер мерцал.

Сканеры работали.

Но после такого предупреждения...

Игнорировать его было бы просто глупо.

Я окликнул Орна.

— Слушай, у тебя тоже ощущение, что что-то пойдёт не так?

Он обернулся. Тяжёлый, напряжённый, как перед бурей.

— Что тебе нужно?

— Ты сам смотри: рассвет уже должен был быть, а всё ещё ночь. Метка жжёт. Мне это не нравится.

Орн замер на секунду. Лицо стало каменным.

— Жди. Если позову — подходи.

Он быстрым шагом ушёл к остальным инструкторам. Я видел, как он жестикулирует, что-то доказывает, и напряжение вокруг сгущается, будто воздух стал плотнее.

И в этот момент земля в центре лагеря содрогнулась.

С треском.

Глухим. Глубоким.

Почва провалилась, словно под ней не было ничего, и в воздух ударил чёрный дым. Запах гнили накрыл мгновенно, скрутил желудок.

Из разлома полезли твари.

Бледно-зелёная кожа, влажная, разорванная шрамами. Уши острые, глаза мутные, жёлтые. Из пастей капала слюна, прожигая камень. К костям, вросшим в плоть, были привязаны обломки черепов и ржавого железа.

Они не выглядели как существа.

Скорее как неудавшиеся попытки их создать.

Первая атака — и одного солдата разорвали пополам.

Без пафоса. Без шанса.

Второго утанули вниз. Его крик оборвался хрустом костей.

Лагерь взорвался хаосом.

Крики.

Запах крови.

Металл, бьющий по камню.

Кто-то рванул вперёд. Кто-то назад. У кого-то просто выпало оружие из рук.

— В СТРОЙ! — рявкнул Орн.

Поздно.

Сильвия ударила первой.

Лёд разошёлся волной, замораживая землю и тех, кто оказался слишком близко. Её силуэт вспыхнул холодным светом, почти нереальным на фоне этой грязи.

Из разлома донёсся рёв.

Глубже. Тяжелее.

Орн ответил рыком.

Его тело начало меняться прямо на глазах: кости вытягивались, кожа рвалась, уступая место белой шерсти. Через секунды передо мной стоял не человек.

Волк.

Огромный.

Он прыгнул в дыру.

Я сглотнул.

Сердце билось слишком быстро.

— Ну что ж... — выдохнул я. — Вперёд, уборщик.

Звучало лучше, чем “я сейчас сдохну”.

Я прыгнул следом.

Скорее упал.

Удар о камень выбил воздух из лёгких.

Внизу было хуже.

Тесно. Темно. Запах — ещё сильнее. Крики глохли в каменных стенах.

Гоблины двигались быстрее.

Слишком быстро.

— Сзади держись! Добивай! — коротко бросил Ренар и исчез.

Конечно.

Самое безопасное место — там, где уже кто-то другой делает всю работу.

Перед глазами вспыхнуло:

Особая черта: Хладнокровие — активна.

И мир... изменился.

Не стал проще.

Не стал безопаснее.

Просто... отступило что-то лишнее.

Паника ушла.

Осталась ясность.
И раздражение.
Перед глазами вспыхнуло:
Особая черта: Хладнокровие — активна.
И мир... изменился.
Не стал проще.
Не стал безопаснее.
Просто... отступило что-то лишнее.
Паника ушла.
Осталась ясность.
И раздражение.
Время растянулось.
Минуты или часы — не понять.
Я уже не считал.
Именно тогда всё изменилось.
Стена рядом треснула.
Не как раньше.
Глубже.
И оттуда вышел он.
Шаман.
Кости, вплетённые в кожу. Камни, тускло светящиеся. Его голос... не звучал. Он врезался
в голову.
Ноги сразу налились свинцом.
Тело опустилось на колени.
Сознание поплыло.
Перед глазами вспыхнуло:
Ментальное сопротивление повышено.
И этого... хватило.
Не чтобы встать.
Чтобы понять.
Если сейчас не двинусь — всё.
Я затаился.
Дыхание сбилось.
Сердце грохотало в ушах.
Шаман шёл ближе.
Медленно.
Уверенно.
Как будто уже знал, чем всё закончится.
— Ну давай, — тихо сказал Умбра. — Попробуй. Посмотрим, насколько ты бесполезен.
Спасибо.
Поддержка как всегда.
Я затаился.
Дыхание сбилось.
Сердце грохотало в ушах.
Шаман шёл ближе.
Медленно.
Уверенно.
Как будто уже знал, чем всё закончится.
— Ну давай, — тихо сказал Умбра. — Попробуй. Посмотрим, насколько ты бесполезен.

Спасибо.
Поддержка как всегда.
Очнулся я уже наверху.
Воздух был холоднее.
Чище.
Вокруг стояли люди.
В центре — тело шамана.
— Значит, у них был ментал, — услышал я. — Вот как они нас обошли.
Перед глазами снова вспыхнула система.
На этот раз — дольше.
Слишком долго.
Я моргнул.
Строки не исчезали.
Они... давили.
Как будто что-то внутри меня упиралось в потолок.
— Господи... — тихо выдохнул я. — Это что, я всё это...?
— Как ты его убил? — резко спросил Ренар.
Я поднял взгляд.
Он стоял напротив. Спокойный. Слишком спокойный. Но в глазах — раздражение.
Не страх.

Не интерес.
Именно раздражение.
Я медленно сел, чувствуя, как тело отзывается тупой болью.
— Как вы и сказали, — пожал плечами. — Шёл сзади. Заканчивал. Потом появился он.
Меня прижало. Голова трещала... но, видимо, что-то выдержало.
Сильвия чуть склонила голову, изучая меня.
— Он внушал, что никого нет, — сказала она. — Ты просто оказался... вне его контроля.
Я усмехнулся.
— Отлично. Я теперь официально неудобный.
Ренар коротко хмыкнул.
— Не льсти себе. Ты просто оказался рядом, когда всё уже сделали за тебя.
Вот оно.
Первое.
Я посмотрел на него внимательнее.
— Серьёзно? — тихо сказал я. — Ты сейчас об этом?
Он сделал шаг ближе.
— Я сейчас о том, что ты получил больше всех, ничего не сделав.
Я усмехнулся.
Усталость смешалась с раздражением.
— Тогда в следующий раз иди сзади. Вдруг тоже повезёт.
Пауза.
Короткая.
Но плотная.
Ренар чуть сузил глаза.
— Посмотрим, сколько ты протянешь без чужих спин.
Вот теперь честно.
Не крик.
Не конфликт.

Но уже не нейтрально.
Сильвия вмешалась раньше, чем это переросло во что-то большее:
— Хватит. Оба.
Её голос был тихим.
Но этого оказалось достаточно.
Маша подошла ко мне.
Тёплый свет лёг на кожу, вытесняя боль.
Я выдохнул.
— Потерпи немного, — сказала она.
Я кивнул и закрыл глаза.
Тело постепенно отпускало.
Но внутри...
было странно.
Слишком... плотно.
Как будто энергия, полученная в бою, не расходилась, а накапливалась.
Сжималась.
Искала выход.
Перед глазами снова вспыхнули строки системы.
Но на этот раз — иначе.
Без шума.
Без навязчивости.
Просто факт.
Опыта больше не требовалось.
Я это не увидел.
Я это понял.
Где-то глубже.
Как инстинкт.
Как знание, которое не объясняют.
—
— Ну надо же, — лениво протянул Умбра. — Дожил.
Я даже не открыл глаза.
— Если ты сейчас скажешь “поздравляю”, я тебя возненавижу.
— Не переживай, — в голосе мелькнула усмешка. — Это только начало твоих проблем.
Конечно.
А я уже начал надеяться на что-то приятное.
—
Я медленно вдохнул.
И впервые за всё это время поймал себя на мысли:
я не устал.
Тело было выжато.
Но внутри...
что-то стало крепче.
Цельнее.
Как будто до этого я был... незавершённым.
А теперь система просто ждала.
Момент.
—
“В следующий раз мы встретимся после твоей эволюции.”
Голос всплыл сам.

Без усилия.

—

Я открыл глаза.

Небо над лагерем было всё таким же чужим.

Шесть лун.

Холодный свет.

И где-то в глубине я уже знал:

долго ждать не придётся.

«Эволюция без выбора»

Не знаю, сколько я спал.

Сон был не отдыхом — просто провал, как если бы меня выключили.

Когда я открыл глаза, было уже светло.

Свет здесь не грел. Он просто... позволял видеть, насколько всё плохо.

Я только начал подниматься, как на меня налетел Готто.

— Ты жив! Я же говорил, ты не сдохнешь! Хотя, честно, выглядел ты так, будто уже всё...

Он говорил быстро. Слишком быстро. Слова слипались, перескакивали друг через друга.

Я не слушал.

Не сразу.

Голова гудела. Тело ломило. Во рту — вкус крови и железа.

Но кое-что я всё-таки выловил.

Ночь здесь — шестьдесят часов.

День — двенадцать.

И до следующей тьмы... четыре часа.

Прекрасно.

Идеальный мир для тех, кто любит умирать долго.

— Пошли жрать, — сказал Готто и потащил меня за собой, не спрашивая.

Я не сопротивлялся.

Не потому что согласен.

Просто не было сил.

Импровизированная “кухня” выглядела как издёвка.

Пара ящичков. Котелок. Запах чего-то варёного и пережжённого.

Я сел и начал есть.

Жадно.

Как животное.

Руки дрожали, но я всё равно не останавливался.

И именно в этот момент началось.

Вопросы.

— Ты правда убил шамана?

— Ты что-то видел?

— Это была магия?

— Почему тебя не сломало?

Голоса сливались.

Раздражали.
Каждый вопрос — как укол.
Я не отвечал.
Просто ел.
Потому что если открою рот — скажу что-нибудь лишнее.
Постепенно картина сложилась сама.
Из тридцати — семнадцать.
Минус почти половина.
И это... только начало.
Из тех, кто остался, магией владели единицы.
Инструкторы.
Готто.

Артур.

Маша.
И ещё несколько.
Остальные...
Я посмотрел на них.
Пустые глаза.

Сжатые плечи.

Нервные движения.
— Отлично, — тихо пробормотал я. — Клуб выживания для неудачников.
— Ты тоже в списке, — лениво отозвался Умбра.
Спасибо.
Очень вовремя.
Когда до тьмы осталось полтора часа, вернулись инструкторы.
И сразу стало ясно: всё плохо.
Орн выглядел собранным.
Слишком собранным.
Так выглядят те, кто уже всё понял, но не имеет права это показать.
— Собрались, — коротко сказал он.
Голос был ровный.
Чёткий.
Без эмоций.
Но именно поэтому его слушали.
Все.
Даже те, кто ещё минуту назад шептались.
Мы встали полукругом.
Сильвия стояла чуть в стороне, но её взгляд проходил по каждому.
Оценивая.
Проверяя.
Когда её глаза на секунду задержались на мне — я это заметил.
И, кажется, не только я.
Ренар тоже.
— Ситуация критическая, — начал Орн. — Но не безнадёжная.
Никто не поверил.

Но никто и не перебил.

— Мы нашли основную деревню гоблинов. Два часа к северу. Около двухсот особей. Минимум два шамана.

Пауза.

— В их пещеру напрямую не попасть.

Ещё пауза.

— Поэтому будем действовать иначе.

Вот сейчас начнётся.

И я уже заранее ненавижу этот план.

— Нам нужен отвлекающий фактор, — продолжил Орн. — Что-то, что заставит их выйти.

Тишина.

Никто не дурак.

Все уже поняли.

Я тоже.

— Эволюция, — сказал он.

Просто.

Без пафоса.

Как факт.

— В момент инициации система создаёт выброс энергии. Это привлечёт гоблинов и отпугнёт часть тварей.

Я медленно выдохнул.

— И кто у нас сегодня доброволец? — тихо спросил я.

Никто не ответил.

Сильвия чуть сжала губы.

Орн посмотрел прямо на меня.

— Ты готов.

Не вопрос.

Констатация.

Внутри что-то холодно сжалось.

— Потрясающе, — пробормотал я. — План уровня “давайте кинем одного в мясорубку и посмотрим, что будет”.

— Ты будешь под защитой системы, — спокойно сказала Сильвия.

Её голос был мягче.

Теплее.

Слишком контрастно с остальным.

— А потом под нашей, — добавил Орн.

— Угу, — хмыкнул я. — Если от меня к тому моменту что-то останется.

— Перестань, — тихо сказала Сильвия, подходя ближе. — Ты справишься.

Я посмотрел на неё.

Секунда.

Чуть дольше, чем нужно.

— Конечно, — усмехнулся я. — У меня же талант выживать в самых идиотских ситуациях.

— Это не талант, — тихо ответила она. — Это упрямство.

Где-то сбоку тихо фыркнул Ренар.

— Или везение, — бросил он. — Которое рано или поздно заканчивается.

Я повернул голову.

— Проверим?

Он сделал шаг ближе.
Глаза холодные.
— С удовольствием.
Напряжение повисло в воздухе.
Тяжёлое.
Липкое.
— Хватит, — коротко бросил Орн.
И всё.
Разговор закончился.
Но не конфликт.
Внутри что-то холодно сжалось.
— Потрясающе, — пробормотал я. — План уровня “давайте кинем одного в мясорубку и посмотрим, что будет”.
— Ты будешь под защитой системы, — спокойно сказала Сильвия.
Её голос был мягче.
Теплее.
Слишком контрастно с остальным.
— А потом под нашей, — добавил Орн.
— Угу, — хмыкнул я. — Если от меня к тому моменту что-то останется.
— Перестань, — тихо сказала Сильвия, подходя ближе. — Ты справишься.
Я посмотрел на неё.
Секунда.
Чуть дольше, чем нужно.
— Конечно, — усмехнулся я. — У меня же талант выживать в самых идиотских ситуациях.
— Это не талант, — тихо ответила она. — Это упрямство.
Где-то сбоку тихо фыркнул Ренар.
— Или везение, — бросил он. — Которое рано или поздно заканчивается.
Я повернул голову.
— Проверим?
Он сделал шаг ближе.
Глаза холодные.
— С удовольствием.
Напряжение повисло в воздухе.
Тяжёлое.
Липкое.
— Хватит, — коротко бросил Орн.
И всё.
Разговор закончился.
Но не конфликт.
Когда до тьмы осталось около получаса, мы добрались до их логова.
Пещера.
Чёрная.
Слишком чёрная.
Как пасть.
Ренар подошёл ко мне.
Близко.
Слишком близко.

— Слушай внимательно, — тихо сказал он. — Я подношу тебя к входу. Ты сразу вызываешь эволюцию.

Пауза.

— Не тупи. Не тормози. Не срывайся.

Его взгляд скользнул по мне с откровенным сомнением.

— Понял?

— Да-да, — пробормотал я. — Стоять красиво и светиться.

Он не улыбнулся.

— Если ты облажаешься, мы все сдохнем.

— Без давления, конечно, было бы скучно, — усмехнулся я.

Он схватил меня.

И мир смазался.

Через секунду я уже стоял у входа.

Слишком близко.

Слишком реально.

Оттуда тянуло холодом.

И чем-то ещё.

Живым.

И меня заметили, моментально.

Сердце ударило сильнее.

Руки на мгновение дрогнули.

Вот он.

Момент.

К которому я вроде шёл.

И который, как обычно, оказался максимально хреновым.

— Ну давай, — тихо прошептал Умбра. — Не разочаруй. Мне уже интересно, как ты облажаешься.

Я выдохнул.

Коротко.

Резко.

И сделал единственное, что оставалось.

— Система... — голос прозвучал хрипло.

— Я запрашиваю эволюцию.

Как только

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.